

Дороги Пограничья

Олаф Бьорн Локнит

Книга Бытия

«Лениздат»

2001

Локнит О.

Книга Бытия / О. Локнит — «Лениздат», 2001 — (Дороги
Пограничья)

Продолжение приключений Конана в Пограничье. Бешеный Вожак,
загадочный волк-оборотень, готовит гибель миру людей, но на его пути вновь
встает неукротимый варвар и его спутники.

© Локнит О., 2001

© Лениздат, 2001

Содержание

ПРЕДВАРЕНИЕ	6
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	11
ГЛАВА ПЕРВАЯ,	11
ГЛАВА ВТОРАЯ,	20
ГЛАВА ТРЕТЬЯ,	32
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Олаф Бьорн Локнит Книга Бытия

Нижеприведенная история впервые была рассказана известным сочинителем Гаем Петрониусом из Тарантии в одном из трактатов посвященных странствованиям Конана Канах по Бритунии и королевству Пограничному, происходивших осенью 1285 и зимой-весной 1286 годов. Известно, что под именем литератора Петрониуса долгое время скрывался личный библиотекарь короля Конана Аквилонского Хальк, барон Юсдаль-младший, каковой затем и доработал историю Книги Бытия и передал ее в книжное хранилище Тарантии в том виде, в котором она представлена благосклонному читателю.

В тексте оригинала имеется приписка самого Халька Юсдаля о том, что повесть о легендарной Книге Бытия была записана им как со слов самого короля Конана, так и по рассказам волшебника Тотланта, а также капитана королевской гвардии Пограничья Веллана, сына Арта из Бритунии. Окончательный вариант рукописи датируется 1304 годом по основанию Аквилонии и из него удалены все домыслы и фантазии, так свойственные барону Юсдалю в более ранние годы. Можно надеяться, что данный хроникальный текст содержит рассказ об истинных событиях, начавшихся задолго до прибытия Конана Канах и его друзей в бритунийскую столицу, и впредь не будет нуждаться в исправлениях со стороны непосредственных героев сего занимательного сочинения...

ПРЕДВАРЕНИЕ

Утро в Кезанкийских горах выдалось необычайно мягким и теплым для последних дней осени. Белоснежные пики искрились в лучах яркого, но уже по-зимнему холодного солнца и, казалось, подпирали собой светло-голубой свод неба, ближе к горизонту слегка затуманенный тонкими, почти прозрачными перышками облаков.

По дороге к перевалу, открытому безымянным бродягой-наемником в незапамятные времена, медленно двигалась, скрипя разбитыми колесами, крытая плотным серым сукном небольшая фура. Справа и слева от повозки на устало опустивших головы с заснеженными гривами лошадях ехали воины в стальных кольчугах с длинными рукавами и в плосковерхих шлемах с вертикальной стрелкой понося. Герб на наброшенных поверх кольчуг белых плащах изображал два меча, перекрещенных на фоне пузатого мешка. Надпись выше мечей сообщала знающему человеку очень многое, хотя и состояла всего из двух слов: Аль Браско. Так звали пожилого шемита, проживавшего в настоящее время в бритунском городе Пайрогии.

В молодости Аль Браско был человеком, каких принято называть «искателями приключений». Как наемник, он участвовал в войнах Офира против Шема, грабил аргосские галеры, будучи капитаном зингарского капера, а когда однажды его команде вовремя не выплатили жалованье, увел свой «Левег» на Барахские острова и уже как пират брал на абордаж зингарские торговые галеры, но особой славы не снискал.

Примерно в те же времена Аль Браско познакомился с собратом по ремеслу – Конаном из Киммерии. Хитроумный шемит и могучий, но тогда еще несколько прямолинейный (по молодости) варвар неплохо потрудились вместе, и не где-нибудь, а в зловещей Стигии. Самое любопытное же заключалось в том, что их нанимателями оказались жрецы Сета...

Конан и Аль Браско оказались на высоте, хотя справиться с выходцем из грядущих времен оказалось не слишком легко. Получив от облегченно вздохнувших жрецов увесистый мешок, они, как обычно, отправились прямой дорогой в ближайший трактир и вдрызг напились. Проснувшись утром, киммериец обнаружил, что ни приятеля-шемита, ни золота поблизости нет... Пергамент не в силах вытерпеть всех проклятий, сыпавшихся из уст похмельного и разъяренного варвара. Разумеется, Конан попытался разыскать столь гнусно обманувшего его компаньона, однако не преуспел, а в скором времени покинул Стигию, в очередной раз поссорившись с властями. Его влекли новые дороги и новые приключения, и спустя месяц-другой он смирился с потерей золотых. Хотя мысленно варвар пообещал когда-нибудь отплатить шемиту за содеянное.

На частью заработанные, частью украденные деньги Аль Браско собрал два десятка наемных охранников, своего рода свободный отряд и прочно обосновался захолустной Бритунии (чем дальше, тем лучше – шемит знал, что у Конана рука тяжелая, а память, как он подозревал, долгая). Любой забулдыга, пропивший последний клочок своей набедренной повязки, мог придти к шемиту и, доказав свое умение держать меч и стрелять из лука, быть записанным в наемники. Под долю с будущего жалованья он получал одежду и оружие. Но не приведи Митра ему после этого попробовать сбежать – руки у Аль Браско были длинные и тех, кто был с шемитом нечестен, находили потом в придорожных канавах с перерезанным горлом.

За пролетевшие годы Аль Браско приобрел в купеческой среде определенную репутацию. Наемнику-одиночке в Пайрогии теперь ничего не светило, если только он, конечно, не обладал выдающимися способностями. Но и такие редкие исключения предпочитали не мыкаться и сразу шли наниматься к благородному месьюру Аль Браско.

...Шесть воинов, охранявших повозку, справедливо считались Аль Браско лучшими. Шемит заломил за их услуги непомерную цену – сто пятьдесят золотых – но купец выложил деньги даже не торгуясь, и Аль Браско мельком пожалел, что не назвал большую сумму – эдак

двести или триста золотых. К слову сказать, купец и сам не выглядел слабаком – широкоплечий, с большими мускулистыми руками, ладонями, на которых опытный глаз шемита разглядел бугорки, появляющиеся только от частого использования меча. Купец носил аккуратно подстриженную бородку, иссиня-черную, как и волосы, что было весьма странно для чистокровного бритунийца (уроженцы этой страны в большинстве были светловолосыми). Никакого намека на брюшко, характерную черту купцов (особенно процветающих). Облик довершали светло-серые глаза, холодные и жесткие. Однако, после серьезного и вдумчивого разговора с Аль Браско, купец слегка оттаял и перестал казаться суровой ледяной скалой, внезапно принявшей облик человека. Что и говорить, воин всегда узнает воина...

Путешествие в Туран прошло успешно. Предмет, так необходимый советнику Вегелю, был найден на огромном султанапурском базаре и куплен за просто невероятную сумму – десять тысяч аквилонских кесариев. Для плохо представляющих стоимость золотой монеты Аквилонии скажу, что за пять кесариев вполне можно купить приличную ферму, а еще за пять – хороших двухэтажный дом. Но, как считал сам купец, искомый предмет имел огромную ценность и продавец, похоже, продешевил. Хотя полученной mzды хватит и ему, и его правнукам.

Вещь, приобретенная за столь приличные деньги, выглядела как слюдяной шар, заполненный молочно-белым, с алыми проблесками, туманом. Шар крепился на золотой подставке в форме круглой башни, оплавившейся сверху – языки золота, словно змеи, крепко обхватили мерцающую сферу. Ниже бесформенных изгибов башенку окаймляли девять одинаково ограниченных рубинов, похожих на капли темной крови. От предмета за лигу несло магией, да какой! Зная о его свойствах, купец не без основания полагал, что создать *такое* не под силу самому искусному из ныне живущих чародеев. Если долго смотреть на рубины, из глубины камней выплывали очертания рун, по одной в каждом. Купец никогда не встречал подобных, но в знаках чувствовалась уверенная мощь и сила, причем сила скорее добродушная, не злобная. Впрочем, от магии всегда надо ожидать любой неожиданности. Даже самые безобидные на вид талисманы порой превращали своих владельцев (а заодно и окружающих) в беспмятных идиотов или сжигали, не оставляя даже пепла – достаточно было произнести одно неосторожное слово.

Туранец, бывший владелец вещи, утверждал, что талисман создан еще во времена Атлантиды, якобы для борьбы с легендарными и, несомненно, мифическими змеелюдьми. Мол, он позволяет видеть истинную сущность вещей, животных и людей. Больше туранец ничего не знал и был счастлив за весьма неплохую цену избавиться от опасной игрушки.

Купец был уверен, что большая часть рассказней – чушь, но... Как говорится, нет дыма без огня. Если уж Вегелю, правой руке короля, понадобилась эта штука, значит, какая-то магия в ней несомненно присутствует. Поэтому артефакт был обернут холщовой тряпкой и надежно упрятан в небольшой сундучок красного дерева, окованный узорчатыми железными полосами и запертый на хитроумный замок. Ключ от сундука купец постоянно носил на тонкой серебряной цепочке под рубахой. Попытавшихся взломать сундучок ждали несколько небольших, но весьма неприятных неожиданностей.

К полудню погода начала резко портиться. Только что чистое синее небо как-то незаметно затянули свинцово-черные тучи. С полуночи налетел холодный ветер, поднявший облака отвратительного мокрого снега и замедливший продвижение маленького отряда.

Купец поплотнее закутался в плащ из медвежьей шкуры. Он ехал в стороне от основной процессии, чуть впереди и чуть правее. По два конных стражника двигались справа и слева от фургона. Один сидел рядом с возницей, прыщавого вида юнцом, и держал на коленях взведенный арбалет. Точно такой же, с тяжелым коротким болтом на тетиве, находился в руках воина, сидевшего в фургоне, свесив ноги через задний борт.

Лошади, тяжело передвигая ногами – идти против сильного ветра не так уж и весело – втянулись в длинное каменистое ущелье, полого поднимавшееся вверх. За ущельем дорога

резко взмывала почти к самым облакам и за небольшой, но глубокой пропастью начинала постепенно опускаться вниз, в Бритунию.

Брести оставалось недолго, но купец почему-то начинал чувствовать смутное беспокойство. Очень уж ему не нравились крутые склоны, усеянные валунами, как подсолнух – семечками. Судя по лицам «сынков» Аль Браско, склоны не нравились и им тоже.

Воин с полуседой бородой – старший охранник – ударил своего серого в яблоках жеребца каблуками высоких сапог из мягкой свиной кожи, подъехал поближе к гнедой кобылице купца и неуверенно начал:

– Господин Эрет, дерьмово все это выглядит...

Эрет перебил его ледяным тоном, кладя руку на навершие меча:

– Займи свое место, Фалкон, и держи свое мнение при себе. Тебе платят не за глупые страхи.

Седобородый открыл было рот, потом сплюнул и, хлопнув коня по шее, вернулся к фургону.

Пожалуй, они были ближе к выходу из ущелья, когда просвистела первая стрела. Она взлетела из-за одного из валунов на левом склоне и, прочертив небо, воткнулась в снег перед лошадьё купца. Стрела была длинная, но все же гораздо короче боссонских, сбалансированная перьями орла-беркута, с раскрашенным охрой древком.

Купец натянул поводья и вскинул руку. Фургон со скрипом остановился. Охранники вертели головами, но так никого и не увидели. Только ветер, шурша снегом, гулял по долине.

Стрела, в чем никто не сомневался, принадлежала кезанкийским горцам. Эрет еще раз взглянул на нее, словно надеясь, что она растает, как морок, но она продолжала нахально торчать в шаге от копыт его лошади.

Купец привстал на стременах и как можно громче проорал:

– Эге-гей! Что вам надо?!

В ответ из-за валунов выступили фигуры, одетые в шкуры. Поднялись луки и к свисту ветра прибавилось пение стрел...

Один охранник безмолвно сполз в снег со стрелой в глазу. Остальные, ругаясь, подняли над головами маленькие круглые щиты.

– Гони! – заорал на оцепеневшего возницу Эрет, а сидящий рядом воин с силой пихнул парня в бок.

Фургон сдвинулся с места, но далеко не уехал. Несколько стрел вонзилось в бок правой лошади. Несчастное животное, взвизгнув, поднялось на дыбы и, обрывая постромки, рухнуло в снег. Недолго прожила и вторая...

Горцы перестали осыпать стрелами людей и теперь смертоносный дождь обрушился на неповинных животных. Одна за другой были убиты все лошади, а воины Аль Браско заняли круговую оборону вокруг фургона. Возница попытался заползти под повозку, но не успел. Какой-то горец заметил мальчишку и, пустив стрелу вертикально, пригвоздил его к земле. Бедняга лишь дернулся и судорожно сжал худые пальцы в кулаки, словно пытался удержаться на земле.

Эрет сбросил тяжелый плащ, обнажил меч и стал рядом с Фалконом, стараясь не глядеть в его сторону.

Горцев при ближайшем рассмотрении оказалось не так уж и много – может, десятка четыре. Во всяком случае, не больше. Они прекратили стрелять и, вытащив из ножен сабли, со звериным воем ринулись вниз. Около десятка осталось наверху, прикрывать нападающим спины.

Щелкнули арбалеты и два тела остались лежать на каменной россыпи. Времени перезарядить оружие не было, и в ход пошли мечи.

Как и в любом бое, ничего возвышенно-романтического в завязавшейся схватке не наблюдалось. Только кровь...

Нападающие сразу понесли ощутимые потери. Их сабли были короче клинков наемников, и, прежде чем горцы вступили в ближний бой, пяток их сотоварищей окрасил своей кровью грязноватый снег.

Эрету первое время казалось, что защитники фургона даже смогут выстоять. Его широкий клинок отбрасывал легкие сабли, ловил врагов на контрвыпадах и крушил тела, прикрытые только звериным мехом, а разве это защита... К его ногам упал третий противник, разрубленный от плеча до пояса одним хорошим ударом. Рядом вскрикнул Фалкон, навалился на стенку фургона. Эрет с ужасом увидел красную тонкую полосу на его шее, из которой быстро потекла кровь. Бывший начальник стражи, закатив глаза, булькнул и съехал в снег.

Купец выкрикнул что-то нечленораздельное и снес его убийце голову. Только сейчас он заметил, что остался в одиночестве. Еще два мертвых тела в белых плащах плавали в собственной крови перед Эретом остались лишь восемь хрипло дышащих горцев, которые начала медленно окружать его. Выругавшись, он атаковал, выпустил кишки одному и побежал, пока остальные не опомнились, вокруг фургона.

Два трупа и десяток горцев – вот и все, что ждало его там.

«Все», – устало подумал Эрет.

Меч купца взметнулся вверх, к правой щеке. С диким ревом на оцепеневших жителей Кезанкии набросился безумец... Горцы тоже люди. Хоть и дикие и кровожадные. Они боялись демонов и знали, что человек обуянный «боевым бешенством» становится одержим злыми силами, каковые придают ему неуязвимость и сметающую все на своем пути темную безрассудную ярость. А когда один купец, пусть и могучий как медведь, четырьмя ударами сделал четырех их товарищей холодными изуродованными трупами, они не выдержали и побежали в разные стороны.

У лучников нервы оказались крепче. Сразу три стрелы прошили кольчугу и живот Эрета. Ноги сразу ослушались, могучий купец неловко плюхнулся в снег и оперся спиной о колесо фургона. Еще две стрелы клюнули его в грудь. Эрет только усмехнулся и плюнул кровью. Наверное, поэтому у стрелка дрогнула рука и третья стрела лишь оцарапала шею купца. Но и без этого он был смертельно ранен.

Горцы несмело начали спускаться. Кто-то осторожно выглядывал из-за фургона. Раненый пятью стрелами воин уже не казался опасным.

Самый храбрый – или самый безрассудный – из нападавших грубо схватил Эрета за волосы, рывком приподнял голову и остолбенел. На его смотрели живые, налитые кровью глаза. Меч ринулся вперед, с хрустом пронзая храбреца насквозь. Истошный вскрик, и мертвый горец валится на спину. Жуткая усмешка искажает бледные, помертвевшие губы.

Сверкнули на солнце узкие сабли, сверкнули и опустились. На месте Эрета, купца из Пайрогии, лежала изрубленная куча мяса, лишь отдаленно напоминающая человеческое тело.

Горцы, покончив с охраной, начали рыться в фургоне. Они безжалостно ломали ящики, разбрасывали прекрасную парчу и нежный шелк... Они явно не были простыми бандитами, они что-то искали.

Тем временем два мальчишки лет пятнадцати помогли спуститься с склона пожилому, седому мужчине, чью левую ногу ниже колена заменяла обструганная деревяшка. У широкого пояса человека покачивалась длинная тяжелая сабля с рубином в центре крестовины. Судя по почтению, с которым все поглядывали на старика, это был вождь или старейшина.

– Кейлаш, Кейлаш! Я нашел!

Из фургона с криком выпрыгнул молодой горец, сжимавший в руках сундучок красного дерева. Он со всех ног бросился к седому и, конечно же, споткнулся, рухнув всем телом на свою ношу. Бедняге не повезло. Удар что-то сдвинул внутри сундучка.

Негромко гроыхнуло. Парень взвыл, над сундучком вспух огненный шар, который со свистом лопнул, распустив расширяющийся, словно волны от камешка, круг огня.

Кейлаш успел укрыться за валуном, да и то чудовищный жар едва не испепелил его. меховая одежда и волосы начали тлеть. Один из поводырей старейшины горцев вспыхнул – плоть словно сдувало ветром...

Огонь дошел до камней и погас. Кейлаш осторожно выглянул. Фургон, потрескивая, догорал. Повсюду валялись обугленные кости и оплавленное железо – бывшие кольчуги и мечи. Тошнотворно воняло паленым. Сундучок же преспокойно лежал в небольшой ямке, несколько не пострадав.

Из-за камней появились уцелевшие горцы – все, что осталось от большого отряда нападавших. Один настороженно коснулся сундучка.

– Холодный, – с бледной улыбкой сообщил он.

Кейлаш подошел, взял вещицу, повертел в руках и жестом велел остальным спрятаться. Когда же все быстро скрылись за валунами, изо всех сил хватил сундуком о землю и прыгнул за камень.

Ничего не произошло. Лишь что-то жалобно звякнуло.

Горцы опять сгрудились вокруг сундука. Ключ от замка испарился вместе с цепочкой в магическом пламени, а взломать сундук никто не решался. Вдруг опять произойдет какая-нибудь гадость...

Наконец, один из кезанкийцев с оттягом рубанул по крышке саблей. Остальные в это время предусмотрительно отскочили подальше. Горец рубил и рубил, пока замок не выдержал и не сломался. Горец оглянулся, Кейлаш знаком подбодрил его. Парень откинул крышку, над сундуком взлетело облако пыли, человек непроизвольно вдохнул ее и...

Остальные с ужасом увидели, как воин безмолвно упал рядом с открытым сундучком.

– Черный лотос, – догадался Кейлаш и, выждав немного, направился к ларцу. Действительно, если замок просто взламывали, а не открывали ключом, то коробочка с порошком лотоса оставалась неповрежденной и ее содержимое поднималось вверх со слабейшим порывом воздуха. Достаточно одного вдоха.

Кейлаш, стараясь не дышать, заглянул в ларец и его лицо расплылось в улыбке, а губы прошептали:

– Веренелельд...

Кейлаш бережно вытащил жезл и еще более бережно отряхнул с него мелкую черную пыль. Талисман сиял и искрился в лучах проглянувшего из-за туч зимнего солнца.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ МАЛЕНЬКИЕ СЕКРЕТЫ ПАЙРОГИИ

ГЛАВА ПЕРВАЯ, в которой злоключения Конана и компании только начинаются...

Утро для начальника стражи Закатных ворот выдалось из рук вон плохим. Ну скажите, почему эти идиоты из Пограничного королевства всегда умудряются явиться либо еще до восхода солнца, либо задолго после его заката?

Хорошо, в этот раз солнце уже успело взойти... Ладно, признаем, оно находилось почти в зените, но это ничего не меняет! Разве нормальные люди ночью спят? Нет, они играют в кости и пьют вино, а стражники что, не люди? Утром же надо как следует выспаться... Так ведь не дают!

...Они подъехали к Закатным воротам столицы Бритунии почти в полдень. Однако, к немалому удивлению Конана и Тотланта, ворота стояли закрытыми. Эмерт, как всегда, был невозмутим, а Эртель скорчил гримасу и съехидничал:

– Ну что, Велл, опять стража твоей родины дрыхнет после попойки?

– Во-первых, моя родина в Келбаце, а во-вторых, там подобные стражники давно отправились бы чистить нужники при казармах, – гордо ответил Веллан, откидывая рукой непослушную светлую челку.

– Ага, ага, – согласился Эртель. – Помню, как ты, я и дядюшка куковали у ворот твоей Келбацы чуть ли не до полудня. А все потому, что стража упиалась до того, что не могла даже до ведра доползти и блевала под себя, да не только блевала...

Конан оглушительно расхохотался и, подъехав к воротам, забарабанил в огромные створки. Никакого ответа. Сзади Веллан пытался отбрезхиваться от нападков Эртеля, но слишком невразумительно, вызывая новые насмешки.

– Эй, наследнички демоновой матушки! – заорал выведенный из себя киммериец. – Да открывайте, ублюдки, а то всех на ремни порежу!

Вопль канул в безответную тишину.

Конан зловеще прищурил глаза и повернулся к улыбавшемуся бледными тонкими губами стигийцу:

– Тотлант, если не затруднит, сломай ворота! Или обрушь на их головы огненный дождь! Сколько же можно ждать!

– По-моему расходовать магическую силу на столь примитивное и скучное действие отнюдь не следует, ибо мое искусство не приспособлено служить для пробуждения ото сна бритунийской стражи. Следовательно... – с той же улыбкой изрек Тотлант, но ему не дали договорить резким:

– Сколько раз просил – говори по-человечески!

– А я и говорю по-человечески, – не обращая внимания на возмущение киммерийца, продолжил Тотлант, – не всем же употреблять похабный жаргон наемников, в мире существует гораздо больше иных, красивых и ярких словес. А теперь, Конан, остынь. Мне кажется, кто-то внял твоим проклятьям и направляется сюда.

– Если ты еще раз в моем присутствии начнешь говорить напыщенным языком придворных лизоблюдов и храмовых служек, я тебе... – Конан на мгновение призадумался.

– И что ты сделаешь, Конан? – мгновенно встрял Эртель, ухмыляясь. Киммериец уже успел усвоить, что бороться с вечным насмешником бесполезно и потому пропустил его слова мимо ушей.

– Значит, я тебе... Выкину из отряда! И тогда ты без нас даже на корку хлеба себе на заработаешь! Маменькин сынок!

Тотлант лишь тяжело вздохнул и, поежившись, преувеличенно смиренным голосом ответил:

– Я все понял. Я исправлюсь, обещаю... Клянусь всеми великими силами Трех Сфер, мира невидимого, тайного и зловещего.

Конан безнадежно махнул рукой и печально бросил:

– Ой трепачи! И тебя Эртель испортил – заболтаете любого до смерти. Скоро нормально поговорить не с кем будет...

– Да, варвар, я кого хочешь испорчу! – с готовностью подтвердил Эртель и захихикал.

– Смотри, как бы тебя кто не испортил, – вполголоса буркнул Веллан.

– Ты бы тоже лучше язык держал за зубами, – дружелюбно посоветовал Конан, потирая костяшки пальцев.

– А я-то здесь при чем? – искренне возмутился бритуниец.

– Хватит, – подал голос молчун-боссонец Эмерт. – Там действительно кто-то идет.

Споры и ругань тут же прекратились. Никто, естественно, не обиделся – подобные препирательства повторялись каждый день и обычно заканчивались совместным потреблением темного пива в ближайшем трактире.

* * *

Конечно, многие из вас уже догадались, что под воротами Пайрогии Бритунийской околачивались известные охотники на оборотней, спасители Пограничья и так далее, и тому подобное...

Для тех же, кто не имел возможности ознакомиться с подробным изложением сей захватывающей истории,¹ приведем ее краткое содержание, ибо нынешние события в Бритунии являются прямым следствием из действий, учиненных небезызвестным Конаном со товарищи в Пограничье.

Начало сей повести было положено в Нумалии, в убогой харчевне с громким названием «Драконья кровь». Именно так сидел и, от нечего делать, напивался Конан Киммериец – известный бродяга, наемник, варвар по происхождению и по духу. Там же произошла его встреча с неким Омалом из Султанапура, набиравшим людей для охраны купеческого каравана. Караван шел в Пограничное королевство и уже почти возле самой столицы был разгромлен шайкой Чернолицых. Конан и несколько охранников уцелели, мгновенно заработав репутацию героев и приглашение отобедать у короля Дамалла. Обед состоялся, и на нем Его величество пожаловался на оборотней, которые, дескать, бессчетно губят и без того немногочисленных жителей Пограничья. Однако предложение короля за щедрое вознаграждение расправиться с напастью было решительно и дружно отвергнуто.

На следующий же день Конан сменил мнение – оборотни убили его друга, решившего с очередным караваном вернуться домой, в Немедию. Сделка была заключена, а вдобавок Конан получил в свое распоряжение подчиненных десятника Эрхарда – разношерстную, но дружную и опытную компанию.

¹ Далее следует краткий пересказ романа О. Локнита «Конан и Карающая Длань» (здесь и далее прим. переводчиков).

Около месяца варвар и его компаньоны провели в разъездах по Пограничью, уничтожили шайку оборотней и попутно встряли в несколько опасных заварушек, из которых им посчастливилось выбраться живыми.

Тем временем власть в Пограничном королевстве снова перешла в другие руки. Новый король подтвердил условия договора, и Конан вместе с изрядно поредевшим в боях десятком помчался на полночь, к заброшенному капищу таинственного Бога с Черным Лицом. Путь туда оказался не прост – десятку встретились и вампиры, населявшие заброшенную деревушку Ло-Салим, и снежные ящерицы-дрохо, и гномы... Впрочем, встреча с последними прошла довольно мирно, и отряду даже удалось заручиться обещанием помощи подземных карликов.

В храме Черноликого Бога оборотней не оказалось, они решили подняться выше в горы. Зато в храме нашелся его хозяин – позабытый всеми бог, попросивший взять его с собой и пообещавший взамен оберегать людей от нападения кровожадных снежных ящериц. Затем к отряду присоединяется еще один попутчик – стигийский маг Тотлант, пытающийся раздобыть магические книги оборотней.

Ночью оборотни, занявшие давно заброшенный храм Неназываемого Бога Тьмы, совершают обряд жертвоприношения. Утром отряд проникает в храм и, надеясь на помощь гномов, углубляется в его подземные лабиринты. Подгорные воители опаздывают – им приходится разбирать завалы, предусмотрительно возведенные оборотнями.

Однако к решающей схватке гномы все-таки успели. Скрывавшаяся в храме Бешеная Стая оборотней была истреблена, в Пограничье возвратился непрочный мир, а королем стал бывший десятник Эрхард.

Слухи, собранные отрядом во время походов, достоверно утверждали, что в соседней Бритунии скрывается уцелевший предводитель Бешеной Стаи, а потому Конан принял решение – отправиться туда и на месте разобраться, что к чему...

* * *

Из-за ворот донеслось шарканье подошв о камень мостовой. Похоже, доблестный блюститель врат едва брел, может быть, даже засыпая на ходу.

Конан, теряя терпение, заорал:

– Да шевелись, пьянь! Целую вечность ждем!

Ему ответил хриплый голос, с трудом издаваемый измученной выпивкой глоткой:

– Кому там не спится? Чего приперлись с утра пораньше?

Конан потерял дар речи (самое обидное, что с ним бесследно улетучились цветистые обороты, коими варвар намеревался попотчевать хриплого). Затем запрокинул голову – светило уже давно прошло половину пути по небосводу. А у них в Пайроги только утречко начинается...

Пока Конан любовался солнцем и размышлял, что бы такое ответить, хриплый заговорил опять:

– Вы там что, языки проглотили? Зачем приперлись-то, спрашиваю?

– Да узнать, когда у вас день начинается, если сейчас, по-вашему, утро, – ехидно поинтересовался Эртель, подъезжая поближе.

– День? – переспросил хриплый, а затем задумчиво протянул: – У-у-у... Да уже за полдень!

– Вот-вот, – поддакнул Эртель. – Так что открывай, и побыстрее. Тут, как-никак, господин посол и его свита.

– Какой еще посол? – хмуро осведомились из-за ворот. Похоже, страж не особенно рвался открывать тяжеленные створки.

– Известно какой! – возмутился Эртель. – Его величества короля Пограничного королевства Эрхарда Первого. Везу от Его величества верительные грамоты Эльдарану Бритунийскому.

– Ну да, как же, – не поверил голос. – Тут две седмицы назад приезжал посол из вашего королевства и тоже с верительными грамотами. Только короля звали по-другому, то ли Хмырил, то ли Херел, не упомянул.

– Хьярелл, – заржал Эртель. – Так его уже того... Свергли. Он оборотнем оказался.

– Веселенькое у вас, значит, королевство, – подытожил хриплый. – Хотя какое это вообще королевство, так, дырка в заднице... Кто хочет – тот на трон и лезет. Видел я ваш дворец так называемый... Раньше я думал – в руинах только нечисть живет, ан нет, еще и короли самозванные встречаются.

– Заткнул бы ты свою гнилую пасть, – мрачно посоветовал Конан. – Твое дело – ворота открывать, а не разговорами людей потчевать. Так что работай!

– Что, правда горька? – съехидничал напоследок стражник и завозился с засовом. Конану не терпелось посмотреть на него, а после накостылять по шее. Или по заднице – смотря какое настроение будет.

Что-то забрякало, грохнуло, наступил краткий миг тишины. Створки дрогнули и медленно, колыхаясь и скрипя, распахнулись.

Таинственный обладатель хриплого голоса оказался молодым, невысоким и рыжим. Вид у него был невыспавшийся и потрепанный. Грязная куртка из толстой кожи с проржавевшими бляхами кое-где облевана, на штанах – дыры, меч без ножен засунут за пояс на манер мясницкого тесака, и, вдобавок, недельная щетина на щеках и подбородке, тоже рыжая. Парень хмуро посмотрел на отряд, поскреб в затылке и махнул рукой – дескать, проезжайте.

Разговаривать как-то сразу расхотелось, примолк даже Эртель, что было само по себе удивительно.

– Не забудьте пошлину, – лениво проговорил стражник. – По полстера с носа и цельный стер за всех лошадей.

– Всего, значит, три с половиной стера? Да это грабеж! Конан, нас грабят! – возмутился Эртель, гордо выпрямляясь в седле. – Я посол, меня положено пропускать бесплатно!

С деньгами у компании было туговато – еще в Пограничье, после того как Эмерта (у которого и хранилось золото, выделенное скудной казной короля на посольство) в трактире «Танцующая лошадь» обчистила девица легкого поведения, Конану и остальным пришлось поработать по дороге: управа Брийта наняла месьюров посланников ради истребления появившегося в округе невиданного чудовища, порожденного внезапно обрушившимся на Пограничье магическим штормом. Заработали немного, но на дорогу хватило.²

Эртель хотел проехать мимо, отодвинув стражника конем, но тот хватился за поводья и, сузив глаза, предупредил:

– Будь ты хоть сам Митра, а заплатишь за въезд обязан. И лучше это тебе сделать самому, без принуждения.

– Ты один, а нас пятеро, – возразил Эртель, пытаясь выдернуть повод, но хватка у рыжего стражника оказалась железная.

– На мой крик, пусть даже и предсмертный, сбежится вся охрана – десятка три. Будьте вы хоть трижды великими...

– Достаточно, – перебил Конан, подкидывая на ладони несколько золотых монет из суммы, выплаченной Эрхардом. – Почему идет золотой Аквилонии?

² Упоминаются события повести О. Локнита «Буря Перемен».

Парень скривился в презрительной ухмылке:

– Там золота не больше, чем здесь, – он постучал по каменной стене. – Один к одному.

– Один золотой – один стер? – переспросил киммериец.

– А ты догадливый, – усмехнулся стражник.

– Тогда – держи.

Рыжий ловко поймал брошенные варваром монеты, осмотрел, надкусил и небрежным жестом сыпал в карман.

– Полстера тебе за труды, – добавил Конан, чуть-чуть усмехнувшись.

– Я работаю за королевские деньги, а не за ваши, – отозвался доблестный охранитель ворот Пайрогии. – А полстера вы заплатите за пререкания с государевой стражей и нежелание платить пошлину. Теперь все в порядке и я говорю вам – добро пожаловать в Пайрогию, столицу Бритунии!

Конан мысленно сплюнул и ударил коня пятками. Это ж надо – последнее слово осталось не за варваром!

* * *

Пайрогия, без сомнения, была самой аккуратной и самой безопасной из всех столиц в странах Заката.

Купцы, не опасаясь за свои тугие кошельки, разгуливали по самым убогим кварталам. Впрочем, сии кварталы по сравнению, скажем, с немедийскими, выглядели на редкость чисто и опрятно. Помои не выплескивались на улицы, а накапливались и перегнивали в специально отведенных для этого ямах. По улицам неспешно прохаживались патрули, зорко следившие за порядком. К слову сказать, законы Пайрогии, и без того жестокие по отношению к преступникам, в последнее время ужесточились до предела. К примеру, пойманному, что называется, «за руку», эту самую руку безотлагательно и отрубали, а только потом отравляли в тюрьму и несчастный однорукий потом медленно чах где-нибудь в каменоломнях полуночного города.

Хорошо еще, убийц не приканчивали прямо на месте, а разбирались, был ли это честный поединок, месть и так далее...

В общем, эшафот в Пайрогии в последнее время отнюдь не пустовал, а палачи не маялись без работы. Находилась названная городская достопримечательность совсем рядом с Закатными воротами, так что Конан и его спутники сразу при въезде узрели это мощное сооружение из толстых досок и массивных бревен. На виселице ветер раскачивал три тела в лохмотьях, на плече одного сидела ворона и увлеченно выклевывала покойнику глаз.

Пайрогия насчитывает почти пятьсот лет от основания. В Бритунии это самый старый город. Бывшая столица – Келбаца – впервые упоминается в хрониках только через сто пятьдесят лет, а Патребия и Чарнина существуют на свете вообще не больше трехсот лет.

Как и почти все города Заката и Восхода, Пайрогия выросла из маленького баронского замка, вокруг которого начали селиться беженцы из Гипербореи и Немедии. Выгодное расположение городка – на пути из Заморы и Коринфии в страны полуночи – дало большой приток поселенцев, и спустя сто лет, когда Бритуния стала независимым королевством, ее первый король сделал своей столицей именно Пайрогию. Тогда же по его повелению были возведены первые каменные укрепления. Так сложился центр поселения, названный позднее Старым Городом. Там находился королевский дворец, особняки благороднейших дворян и королевских советников.

Город рос и за стенами скоро стало тесно. Предместья строились в основном к полудню от Старого города, так как именно с полудня приходили караваны из Коринфии и Заморы. Сейчас

с полуденной части Пайрогии держали свои лавки большинство ремесленников и купцов, там же находился городской рынок.

Около пятидесяти лет назад тогдашний правитель Бритунии Куллан обнес разросшийся город второй защитной стеной, а на время работ перенес столицу в Келбацу. И только при Эльдаране Пайрогию получила обратно свой законный статус, хотя среди жителей Келбацы до сих пор бытовало мнение, что их город более заслуживает наименования столичного.

Конан побывал в Пайрогии спустя несколько лет после этого знаменательного события и, как всегда, умудрился впутаться в нехорошую историю. Король Эльдаран был кое-чем обязан варвару – корона и жизнь (по общему мнению) имеют довольно большую ценность, а именно эти две вещи Конан помог сохранить тогда еще сравнительно молодому монарху. Почти шестнадцать или семнадцать лет назад, Пайрогия также выглядела чистенькой, однако виселицы при въезде в город не было и в помине, а жители выглядели гораздо веселее... А теперь? У всех встречных на лицах какой-то необъяснимый страх, все с ужасом косятся на мрачных стражников, вышагивающих по улицам. Каменные дома при достаточно редких прохожих выглядели унылыми и покинутыми. Даже солнце скрылось в облаках, отчего на Пайрогию опустились преждевременные сумерки.

«Ну и что? – успокаивал сам себя Конан, которому тоже стало слегка не по себе. – Здесь, у Закатных ворот, никогда не было много народу. Здесь же не торговый квартал и не рынок.»

Прохожих становилось все меньше и меньше. Пятеро всадников медленно двигались по Закатной улице по направлению к Красной дороге. Красной она называлась потому, что вела из Старого города к Купеческим (или Полуденным) воротам, и все бритунийские монархи очень любили совершать свои торжественные выезды именно по ней. А когда ездили – требовали, чтобы мостовую покрывали коврами и обязательно красными... Со временем столь необычные прихоти забылись, однако название прижилось и сохранилось.

Подковы звонко бряцали в пугающей тишине. С полудня доносился шум рынка, а здесь, на Закатной улице, было тихо, как на кладбище. Даже не у кого спросить, где находится – так ее и растак! – улица Фонарщиков.

Конан, хоть и бывал раньше в Пайрогии, знал только общий план города – Старый город, королевский дворец, рынок, ювелирные лавки... Знал он и расположение почти всех трактиров, харчевен и постоялых дворов. Что самое удивительное – помнил их до сих пор. Вот спросите, где находится таверна «Эфес»? Даже думать долго не надо – в переулке Меча, если идти по Рыночной улице на восход, считая после пересечения ее с Красной дорогой. Варвар всегда отличался памятью, которую умный Тотлант называл мудреным словом «феноменальная».

Зато где расположена такая улица Фонарщиков – варвар не помнил. Вернее, не знал. То ли трактир на ней был самый захудалый, то ли вовсе его не было... Что самое любопытное – несколько местных жителей, встреченных у ворот, тоже не смогли толком объяснить, где находится эта улица. Большинство о такой просто не слышали, остальные же давали крайне расплывчатые ответы.

Кроме Конана, в Пайрогии бывал еще и Веллан, но проездом, а потому от него вообще не было никакого толка.

Пятеро ехали и ехали. Угрюмо молчали. Город плохо действовал даже на флегматичного Тотланта – волшебник бросал по сторонам быстрые взгляды и шептал себе под нос по-стигийски что-то недоброе.

Пересечь Красную дорогу отряду не дали. Вдоль всей улицы – и с одной, и с другой стороны – городская стража выстроила оцепление. Должно быть, прибывала или отбывала какая-то важная персона. Обычно в таких случаях не протолкнуться из-за народа, сбежавшегося поглазеть на дармовое представление. Сейчас же творилось что-то несурзное – на Закатной улице, кроме Конана и его друзей, никого не было.

Лошади остановились неподалеку от цепочки стражников. Заинтересованный происходящим Конан наклонился с седла и тихонько позвал:

– Эй, парень!

Стражник, к которому он обратился, только копьё сжал посильнее, так что побелели костяшки пальцев.

Варвар понимающе ухмыльнулся и полез в кошель. В тишине отчетливо и громко звякнула о булжники золотая монета.

Воин с готовностью оглянулся и встретился глазами с Конаном.

– Один вопрос, – быстро проговорил киммериец, показывая стражнику еще одну монету. Парень впился в нее жадным взглядом, да таким, что Веллан презрительно хмыкнул и отвернулся. Стражник был молодой, безусый, с блеклыми пугливыми глазами вчерашнего крестьянина. Золото он, наверное, видел только по большим праздникам.

Его соседи по шеренге не обратили на заманчивый звон никакого внимания. То ли у них денег хватало, то ли монета лежала так далеко, что было не дотянуться.

– Один вопрос – и монета твоя, – повторил Конан, не видя на худом узком лице ответа.

На этот раз парень утвердительно и очень энергично закивал. Эртелю показалось, что у стражника вот-вот оторвется голова, а взгляд стал до того алчным... И Эртель, последовав примеру Веллана, начал внимательно разглядывать траченные временем скульптуры на фасаде дома напротив.

Конан тем временем задал интересовавший его вопрос:

– А скажи-ка, приятель, по какому случаю вы здесь торчите?

– Его величество Эльдаран решили посмотреть на рынок. Ожидается большой кортеж... – голос у парня оказался под стать лицу – рабелепный и заискивающий. Конана перевернуло и он, не глядя, швырнул монету стражнику.

– И еще. Не знаешь, где находится улица Фонарщиков?

– Конечно, знаю, добрый господин, – заулыбался, пряча монетку за пазухой, бывший кмет. Конан почувствовал нарастающее желание немедленно прикончить кого-нибудь. Лучше всего – вот этого стражника с лстивой рожей...

– Где? – осведомился варвар.

– Сначала монету, – задрал нос, отрезал стражник.

Киммериец быстро выудил из кошель золотой и запустил на мостовую.

– Доедешь по Красной до Лекарской, по Лекарской – до Оружейной, и с Оружейной на втором перекрестке свернешь налево. Там будет небольшая улочка – это она и есть, – быстро протараторил парень и отвернулся, потому что до дороге с грохотом и топотом промчался отряд конных рыцарей.

В отдаленье запели трубы и рога, ударили барабаны и мостовая затряслась от дробного топота сотен ног.

Первыми Конан увидел отряд музыкантов. Они наяривали боевой марш бритунийской пехоты «Славься, меч и копьё». За ними горделиво промаршировал отряд тяжелой пехоты с длинными копьями на плечах.

Следом за пехотой появились представители благородного сословия. Придворные в расшитых золотом и серебром кафтанах, дамы в усыпанных камнями платьях, суровые воины в кольчугах и при мечях, бледные от канцелярской работы советники, иногда выглядывающие из-за штор своих паланкинов, несомых рабами...

К этому времени за Конаном и его спутниками собралось несколько человек, видимо, не удержавшихся от соблазна взглянуть на все это великолепие. Киммериец невольно прислушался, узнал много новых имен и последних слухов, но ровным счетом ничего – об оборотнях.

Один раз зеваки дружно охнули, когда на середину дороги вылетел горячий вороной конь, несший на себе стройного, очень высокого молодого мужчину со светлыми волосами и

небольшой бородкой и усами. На нем была черная куртка, застегнутая на крючки без всяких украшений, светлые штаны и коричневый берет с радужным фазаньим пером.

– Альбиорикс! – заохали сзади.

Жеребец загарцевал, всадник победоносно и свысока оглядел толпу. Его голубые глаза внезапно встретились с взглядом Конана, равнодушно смотревшего на кортеж. Альбиорикс поспешно и испуганно отвел взгляд, прищпорил коня и ускакал вперед. Конан не понял, почему в глазах вельможи мелькнул страх – они ведь никогда раньше не встречались, и варвар не припоминал, чтобы числил этого человека среди своих врагов. И все же, все же...

Киммериец обернулся к зевакам:

– Эй, людишки, кто этот расфуфыренный забияка на вороном?

– Ну и грубиян же ты, чужеземец, – бросил кто-то, а другой голос ответил: – Это Альбиорикс, капитан гвардии и начальник всего гарнизона Пайрогии.

– Какой красавец! – влюбленно выдохнул женский голос. Дальше Конан слушать не стал.

Едва он повернул голову, как солдаты перед ним заорали «Король! Король» и ударили копьями о щиты.

Насколько Конан помнил, королю Бритунии должно было быть около шестидесяти пяти лет, но выглядел он моложаво, может, лет на пятьдесят. Совершенно седой, слегка заплывший жирком от безделья, он все же показался киммерийцу похожим на того Эльдарана, которого он хорошо знал. Но только показался. У прежнего Эльдарана не было хищного выражения лица и безумно-блестящего взгляда. Эльдаран не ездил в роскошном паланкине в обнимку с парочкой молоденьких хихикающих девчонок, и, наконец, у прежнего Эльдарана был Кейлаш. А с тех пор, как Конан и компания въехали в Пайрогию, им на глаза не попало ни одного кезанкийского горца.

Король улыбался и махал рукой, приветствуя подданных, но все это было насквозь фальшиво...

Процессию завершал еще один отряд тяжелой пехоты. Сзади раздался полный недоумения хор голосов:

– А где Вегель?

– Может, мы его не заметили?

– Скажешь тоже! Его – и не заметить! Значит, его просто не было!

– Как такое могло случиться? Он же от короля ни на шаг не отходит?

– Вот уж не знаю...

Оцепление сняли и Конан со товарищи, следуя указаниям стражника, отправились дальше – искать улицу Фонарщиков.

Как и следовало ожидать, они умудрились заблудиться. Пускай и помнили объяснения тухлоглазого стражника.

Лекарскую улицу они разыскали без труда. Собственно говоря, и Оружейную тоже. А вот дальше... В общем, солнце клонилось к закату, а распроклятая улица Фонарщиков так и не была найдена.

Конан все оглядывался в поисках местного жителя, и, наконец, обнаружил такового.

У стены двухэтажной кирпичной лавки булочника стоял неимоверно худой паренек в добротной кожаной одежде, висевшей на нем, как на колу, и с длинным кинжалом на поясе. Парень грыз семечки, шумно отплевываясь.

– Эй, пойдись сюда! – крикнул ему Конан, злой, как гирканийский тигр, которому наступили на хвост и дунули пылью в нос. В его голосе проскользнула столь явственная стальная нотка, что парень немедленно отлепился от стены и подошел к лошади киммерийца.

– Знаешь, как доехать до улицы Фонарщиков?

– Конечно, знаю, – весьма паскудно ухмыльнулся парень. – Но шутки у тебя, громила, плоские, как твоя башка тупая.

– Чего?! – проревел Конан, хватаясь за меч. – Да я тебя сейчас в гуляш нашинкую! Да я тебя...

– Воздуху не хватает? – участливо осведомился парень. – Или воображения?

Он развернулся и побрел обратно к своей ненаглядной стене. На полпути его остановил крик Эртеля:

– Так как проехать-то?

– Еще один шутник... – парень скорбно вздохнул, покрутил пальцем у виска и продолжил свой путь.

Тут уже Конан не выдержал.

Взбешенный варвар спрыгнул с седла, одним прыжком настиг парня и, прежде чем тот успел даже пикнуть, схватил за горло и поднял к своему лицу.

Ноги парня болтались в воздухе, он хрипел, пытался разжать лапы киммерийца, но не тут-то было. Конан тряс беднягу как котенка и, наверное, задушил бы, не вмешайся в творившееся безобразии Тотлант.

Стигийский маг просто коснулся Конана своим посохом и тот, отпустив жертву, послушно побрел за ним. Это может прозвучать странно, но стигиец обладал уникальнейшим талантом мгновенно утихомиривать буянящего Конана. А тот всегда слушался стигийца. Почти всегда.

Жертва киммерийской ярости долго не могла придти в себя, еще дольше не могла говорить, а только неразборчиво хрипела.

Конана пришлось держать всем вместе, когда краткое время действия посоха закончилось – иначе варвар непременно довершил бы начатое дело.

Парень наконец отдышался и, опираясь на стену, с трудом встал на ноги.

– Никогда не зли киммерийца, – наставительно произнес Эртель, погрозив ему пальцем.

– Особенно когда он и без того взбешен, – добавил Веллан, а Конан в подтверждение этих слов дернулся и заревел как буйвол.

– Да его тупым серпом оскопить мало! Наглец!

– А что мне прикажете делать? – возмутился слегка помятый парень. – Смеяться вашим глупым шуточкам?

– Каким шуточкам? – удивился Тотлант.

– Как – каким? – теперь несказанно удивился незнакомец. – Вот она – улица Фонарщиков, мы на ней сейчас стоим... Вы что, правда не знали?!

Он изумления у всех – не исключая Конана – отвалилась челюсть.

ГЛАВА ВТОРАЯ, в которой случается драка, а Конан сводит близкое знакомство с пайрогийской тюрьмой

– Нет, вы что, действительно не знали, что это и есть улица Фонарщиков? – несколько удивленно переспросил парень, хотя в его голосе по-прежнему слышалась горечь.

– Действительно не знаем, – скорчив гримасу, передразнил его Эртель. – Думаешь, это мы так развлекаемся – шастаем по городу и пристаем ко всем с дурацкими вопросами?

– Ну, с вас станется... – начал было парень, но, покосившись на нехорошо прищурившегося киммерийца, быстренько оборвал себя, вовремя удержав готовую сорваться с языка колкость.

– Вот что, парень, в следующий раз тебе лучше просто ответить на заданный вопрос, – сурово прогремел с высоты своего роста (вкупе с лошадьё) варвар, а Веллан тут же наставительно продолжил:

– Между прочим, не удержи мы этого зверя в человеческом облике (Тотлант за спиной бритунийца слегка усмехнулся) твои мать с отцом уже оплакивали бы обезображенный до неузнаваемости труп их сыночка. Горцы Киммерии, знаешь ли, ничьих шуток не понимают, кроме своих собственных...

Конан уже научился не обращать внимания на откровенные подначки Эртеля и Веллана, а потому пропустил мимо ушей и эту, однако ему не понравилось, что парнишка, запрокинув голову, расхохотался во все горло. Киммериец привык к беззлобному поддразниванию своих спутников, но вовсе не собирался прощать дерзости какому-то сопляку. А потому почти ласково поинтересовался:

– Сынок, ты любишь нарываться на неприятности? Имей в виду, в следующий раз меня могут и не удержать...

Парнишка сразу стих, зато Конан пришел в хорошее расположение духа (как-никак, пресловутую улицу они нашли) и даже решил слегка вознаградить советчика. Иногда с варваром случались подобные приступы щедрости, и он сам не мог потом взять в толк, почему кинул последний сикль, крону или кесарий полупьяному грязному нищему... Вот и сейчас рука, казалось, сама залезла в мешок с золотом и извлекла горсть монет.

– Ладно, парень, это тебе компенсация, – важно заявил киммериец, решив блеснуть образованностью, почти как Тотлант. Этому словечку, означавшему в просторечии всего-навсего «вознаграждение», его научил один хитрый жрец при храме Митры. – Я ж тебя все-таки чуть не убил...

– О-о, – обрадовался юнец и быстренько спрятал деньги за пазуху. – Кстати говоря, меня зовут Артом и меня здесь каждая собака знает, так что если понадобится – только свистните.

– Надо же, Арт – прямо как мой папаша, – удивился Веллан, хотя имя «Арт» было довольно распространенным среди бритунийцев.

– А твой папаша еще жив? – немедленно поинтересовался Эртель.

– А твой? – парировал Веллан.

– Мой отец погиб, когда я еще без штанов под стол ходил, – с достоинством ответил Эртель и, вздохнув, добавил: – И мое воспитание оказалось полностью на совести дяди Эрхарда.

– Оно и заметно, – понимающе протянул Конан, соорбив притворно-серьезную мину. – Теперь понятно, кого надо благодарить за эдакое сокровище... Эй, Арт, постой, – окликнул он уходящего паренька, – раз уж ты такой умный и все здесь насквозь знаешь, то не отведешь ли нас к дому Джарефа? Это должно быть где-то неподалеку...

– Молодого графа Джарефа? – уточнил Арт.

– Насчет графа не знаю, – пожал плечами Конан. – Он говорил, что живет в третьем доме то ли в начале, то ли в конце улицы, точно не помню.

– Я понял, – кивнул мальчишка. – Отведу. Поехали, в смысле трогайте, потому как я пойду своими ногами.

Все компания двинулась вверх по улице. Впереди, ведя лошадь Конана под уздцы, важно шествовал Арт, за ними ехал как всегда спокойный боссонец, следом Тотлант и препиравшаяся парочка. Эртель и Веллан все спорили по поводу отца последнего.

Улица Фонарщиков была одной из окраинных улиц полуночной части Пайрогии. По ее бокам стояли старые, облезлые, в основном двух и трехэтажные дома. По дороге на глаза не попало ни одной лавки, и, что самое досадное, ни одного трактира. Редкие прохожие испуганно шарахались к стенам домов, уступая дорогу страшному варвару с буйной гривой черных волос и холодным взглядом убийцы. Мимо промаршировал патруль – три крепких молодца в кольчугах и шлемах, вооруженные легкими копьями и короткими мечами-гладиусами. Они настороженно изучили подозрительных чужаков, но остановить не рискнули – те пока не делали ничего предосудительного, да и численное преимущество заставляло любого задуматься...

Конан заметил еще одну странность – на улице совсем не было нищих. Не то, чтобы ему нравилось обилие грязных, завшивленных попрошаек, но... Как-то непривычно, когда их вовсе нет. Улица Фонарщиков, конечно, отдаленная, но достаточно чистая и светлая, и хоть один-два нищих на ней непременно должны быть. Однако, как Конан не всматривался, сия непременная деталь любого городского пейзажа вопиюще отсутствовала.

Разочарованный и слегка недоумевающий киммериец решил плюнуть на местные странности и полез в притороченную к седлу сумку, чтобы достать початую бутылку с вином. Шаря в ней, он наткнулся на массу полезных в дороге вещей – от кремней до обломка шила, однако бутылка ему упрямо не желала попадаться под руку. Конан запустил лапу еще глубже и наткнулся на что-то округлое. Только это оказалась вовсе не бутылка...

Киммериец резко выпрямился и спросил у Арта:

– Далеко еще?

– Не-ет, – помотал лохматой головой юнец. – Вон тот двухэтажный дом под красной черепицей, ну, фасад еще весь в плюще...

– Ага, вижу, – рассеянно кивнул Конан и неожиданно поинтересовался: – Слушай, Арт, ты в какого бога веришь?

Мальчишка аж сбился с шага и поперхнулся:

– Ну у тебя и вопросы! Во всех, конечно!

– Да, я, пожалуй, спросил неправильно, – согласился варвар: – Тогда так – какому богу ты молишься?

Арт замялся, привычно потянулся почесать буйно заросший затылок и нехотя ответил:

– Вообще-то я редко молюсь. Иногда, по праздникам, хожу в храм Митры, а так... Ну знаешь, бывают случаи, когда всех богов поминаешь – авось хоть один услышит и поможет. Случалось, даже твоего Крома вспоминал...

– Это зря, – авторитетно заявил Конан. – Кром глух к людским мольбам, он безразличен даже к нам, киммерийцам, его исконному народу.

– И вы все равно почитаете такого бездушного бога? – удивился Арт. – Какой в этом смысл?

– Кром не бездушен, – возразил Конан. – При рождении он дает младенцу храбрость и волю к победе. Чего еще нужно настоящему воину?

– Оттого вы, киммерийцы, все такие дикие, – покачал головой Арт. Варвар прищурился, но ничего не ответил. В чем-то мальчишка был прав...

– Ладно, сейчас речь не о Кроме, – Конан вспомнил о первоначальной теме разговора: – Ты не хотел бы иметь персонального бога, который будет помогать только тебе? Во всяком случае, пока.

– Спрашиваешь! – хмыкнул мальчишка. – Конечно, я бы не отказался. Да только где такого взять?

– А вот это уже моя забота, – киммериец снова запустил руку в сумку и вытащил статуэтку черного палисандра, длиной не больше локтя, изображавшую старого бритоголового человека в рясе без рукавов и с простым посохом в руках. – Знакомься – это Раваал, Бог с Черным Лицом.

– Так вот кого ты мне пытаешься подсунуть! – возмутился Арт. – Думаешь, у нас в Бритунии не слышали о зверствах, чинимых шайками поклонников этого самого черномордого? Помнится... Хотя нет, мне рассказывали, что король Эльдаран после гибели единственной дочери от руки жрицы какого-то тайного культа изгнал из столицы всех жрецов, кроме митрианцев и служительниц Викканы. С тех пор у нас запрещено проповедовать другие культы... Вот пойду и расскажу о тебе в городской страже, быстренько в казематах окажешься! Да ладно, ладно, я шучу, конечно...

Подозревать Конана в злом умысле не имелось никаких оснований, да только Арт о том не знал. Бедолагу Раваала, чей дух был заключен в статуэтке, найденной в заброшенном храме Чернолицего бога в Граскаальских горах, варвар давно хотел пристроить, так сказать, в «хорошие руки». Древний бессильный божок, вовсе не вредный, а скорее очень несчастный и огорченный тем, что люди в него не верят, нуждался хотя бы в одном почитателе...

Конан терпеливо выслушал все речи мальчишки до конца и неторопливо проговорил:

– А теперь послушай меня. Я разбираюсь в этом деле немного побольше, чем ты. В конце концов, именно я приложил руку к уничтожению последней шайки Чернолицых. На самом деле Раваал – неплохой бог, его просто оклеветали. Подробности он расскажет тебе сам. Держи, это он и есть.

Арт повертел статуэтку Чернолицего в руках и с сомнением посмотрел на киммерийца:

– Ладно, я возьму... Но если что – товар назад! Кстати, мы пришли.

– Да вижу, – буркнул Конан, который истово молил Крома о помощи. В последнее время Раваал завел привычку постоянно являться варвару во сне и ныть, убеждая сменить веру. И сейчас Конан был счастлив, что Чернолицего удалось наконец хоть кому-то спихнуть. Пускай дальше выкручивается сам!

Деревянная резная дверь, ведущая в дом Джарефа, оказалась накрепко заперта. Громкий стук и не менее громкие вопли: «Джареф, вылезай, мы знаем, что ты там!» успеха не имели.

– Наверное, он на службе, – предположил Арт. – А слуги ушли. Вы же знаете, он капитан королевской стражи...

– Ого, – удивился Эртель. – А нам он как-то позабыл об этом сказать.

– Не суть важно, – перебил Конан. – Пойдем перекусим, выпьем и вернемся попозже. Не будет же он целый день торчать во дворце... Арт, здесь поблизости отыщется местечко, где честный наемник мог бы весело спустить заработанные денежки?

* * *

Трактир, отрекомендованный Артом как самое подходящее место для расставания с золотом, назывался «Орел и медведь». Он находился на улице Ткачей, примерно в квартале от дома Джарефа. Добраться, следуя четким указаниям паренька, оказалось легко.

Конан придержал лошадь перед добротным трехэтажным, опять же каменным зданием с огромной вывеской, на которой весьма приблизительно изображенные орел и медведь, сидя в обнимку, хлестали пиво из больших деревянных кружек. По размерам трактир больше смахивал на большой постоялый двор и жизнь в нем была ключом. Люди постоянно входили и выходили, порой выползали или вылетали. Пьяных в стельку у дверей не валялось, размалеванных шлюх тоже видно не было. Судя по долетавшим из-за дверей звукам – дружному хохоту, воплям, звону сталкивающихся кружек и визгу немудреных музыкальных инструментов – основное веселье царило в зале.

Конан оглянулся на своих спутников – им тоже явно не терпелось попасть внутрь. Даже у невозмутимого Эмерта глаза слегка оживились.

– Вперед, ребята, повеселимся! – провозгласил варвар и первым выпрыгнул из седла. Тут же рядом, словно из-под земли, вырос мальчишка, на лету подхвативший небрежно кинутые поводья и медную монетку.

– Вычистить, накормить и напоить, – распорядился Конан и, отвесив тяжелой двери хороший пинок, вошел в общий зал таверны, мало отличавшийся от сотен ему подобных. Напротив входа располагалась стойка, чуть левее ее маленькая деревянная лестница вела на второй этаж. Все остальное пространство занимали грубо сколоченные, массивные столы. Под потолком раскачивалось тележное колесо, утыканное толстыми свечами.

Зимние сумерки только начинались, поэтому занятой оказалась примерно половина мест. Отряд легко отыскал себе свободный угол возле лестницы. Конан привалился спиной к шероховатому теплому камню и по впитавшейся в кровь привычке оглядел зал, прикидывая, кто может представлять опасность.

Большая компания ремесленников, то ли каменщиков, то ли плотников, Сет их разберет. Они усердно налегали на пиво и наперебой орали развеселую и насквозь непристойную песню. Большая часть скоро не сможет удержаться на ногах, не то что на кого-то напасть.

Пятеро кезанкийских горцев в одеждах из козлиных шкур нелюдимо и настороженно зыркают по сторонам. Что-то в славном городе Пайрогии поуменьшилось число «детей гор», земляков короля Эльдарана... Пятеро за столом сами всего боятся.

Несколько одиночек неопределенной принадлежности, усердно лапавших служанок и падших девиц, благо и тех, и других в заведении было предостаточно. Вряд ли даже осмелятся подумать о том, чтобы затеять драку.

Ага, вот это уже интересно. Десятка полтора наемников с одним и тем же гербом на плащах – два скрещенных меча и туго набитый мешок. Имя «Аль Браско», красующееся над гербом, что-то напомнило киммерийцу, но что именно – он не мог вспомнить. Парни увлеченно резались в кости и пили вино, ничего не замечая вокруг.

Еще одно сообщество игроков в кости, менее шумное. Составлявших его людей украшали многочисленные шрамы, явно оставшиеся после пребывания в руках палачей: вырванные ноздри, отрезанные уши, укороченные пальцы, лишённые ногтей... Огромный, бритый наголо громила во сплюсненном носом внезапно оторвался от пристального разглядывания выпавшего сочетания костей и встретился глазами с взглядом Конана. Некоторое время его темные с искрами безумия глазки изучали льдисто-голубые глаза киммерийца, затем он снова отвернулся к столу.

– Что будем есть-пить? – это, виляя обширной задницей, до Конана и компании наконец добралась одна из служанок.

– Пару кувшинов темного пива и раков для начала, – Эмерт, что удивительно, оказался первым.

– У вас есть что-нибудь из стигийских вин? – вежливо поинтересовался Тотлант, поигрывая посохом.

– «Аромат древности», – после некоторого размышления ответила служанка. – И, кажется, «Белая змея».

– «Аромат» и жареную курицу, пожалуйста, – сделал свой выбор стигиец.

Конан потребовал кувшин аргосского и жареного мяса, Эртель взял бутылку местного и копченой рыбы, а вот Веллан удивил всех. Бритуниец невозмутимо попросил ячменных лепешек и крынку молока.

Правда, потом он слегка одумался и добавил еще тушеной свинины, но все равно выслушивавшая требования гостей девушка ушла немного ошарашенной.

Друзья Веллана оказались ошарашенными еще больше и долго приходили в себя.

– Велл, ты что, рехнулся? – соболезнующе спросил Эртель, заглядывая в лицо бритунийца и ища на нем зловещие признаки надвигающегося безумия.

– Почему из-за того, что в кои веки человек решил спокойно поесть, его непременно объявляют спятившим? – возмутился Веллан. Эртель прекратил разглядывать приятеля и, хлопнув ладонью по столешнице, воззвал к остальным:

– Может, кто-нибудь растолкует мне, с какой стати этот чокнутый со старого доброго вина перешел на телячье пойло?

– Потому что ем и пью, что хочу, – отрезал Веллан. – Я же не пристаю к тебе с вопросами, зачем ты взял местное вино? Оно кислое, невыдержанное и сивушное.

– Да ладно, – недоверчиво отмахнулся Эртель. – Ты-то откуда знаешь?

– Между прочим, я здесь родился, если ты еще не забыл, – язвительно напомнил бритуниец. – И уж что-что, а вкус местных вин помню наперечет. Ты же, дурень, взял самое дешевое и самое мерзкое...

Эртель хотел что-то возразить по этому поводу, но не успел. К столу подлетели девушки с подносами и вся компания навалилась на заказанную еду. Жевали так, что трещало за ушами. Еще бы – они не ели с раннего утра, а сейчас уже смеркалось.

Эртель отхлебнул несколько раз из своей бутылки и громогласно заявил, что Веллан совершенно не разбирается в винах. Вполне приятное красное, чего ему не нравится?

Бритуниец даже не поднял глаза от стоявшей перед ним крынки. Служанка, ставившая перед ним молоко, лепешки с медом и мясо, глядела на него с суеверным страхом и поспешила как можно скорее улизнуть на кухню, тогда как ее товарки усиленно пытались соблазнить киммерийца и Эртеля. Тем были совершенно безразличны их красноречивые взгляды и зазывные телодвижения – над всеми желаниями преобладал голод. Разочарованные и уязвленные девицы отошли от стола, шепотом перемывая косточки мерзким типам, не замечающим вокруг ничего, кроме жратвы...

– Дай-ка мне оценить, – заявил Конан и сгреб бутылку Эртеля. Тот попытался протестовать, но варвар лишь усмехнулся, сделал хороший глоток... и тут же скривился.

– Забирай свое пойло, – он толкнул полегчавшую бутылку к Эртелю. – Велл был прав – кислое, невыдержанное и мутное. Как ты вообще можешь пить такое, не то, чтобы хвалить?

– А, отвали. Вы все у меня уже в печенках сидите, – обиженный Эртель хлебнул вина и изумленно вытаращился: – Эй, варвар, ты же одним глотком полбутылки вылакал! Теперь надо еще заказывать, – и он махнул рукой свободной служанке.

Общим решением было признано необходимым потребовать добавки. Конан, расправившийся со своей порцией раньше всех, привалился к стене и блаженно отхлебывал вина из кувшина.

Пока компания искателей приключений из Пограничья обедала, в Пайрогии наступил вечер. Таверна быстро заполнялась народом – люди повсеместно заканчивали работу и отправлялись в ближайший трактир или харчевню – поужинать, выпить и по возможности повеселиться.

Вот ввалились королевские стражники, числом около двух десятков. А вот парочка купцов в теплых кафтанах с дутыми рукавами – похоже, отмечают удачную сделку...

Конан решил, что самое время поинтересоваться у приятелей, нет ли у них каких-нибудь толковых соображений по поводу того, с чего стоит начать многотрудное дело по изведению оборотней в Бритунии. Но не успел. Его вниманием снова завладел бритый обладатель сплюсченного носа.

Громила бросил кости, проиграл и, сделав знак товарищам, встал из-за стола. Следом за ним поднялись пятеро битюгов, весьма сходных с ним комплекцией. Бритоголовый не спеша направился через зал прямо к столу Конана и его приятелей. Варвар с грустью подумал, что так хорошо начавшийся вечер сейчас непременно будет испорчен шайкой вот этих идиотов...

Однако для начала любой драки требуется создать хоть малейший повод. Так что спутники бритоголового для начала просто окружили стол, а их главарь несколько свысока предложил киммерийцу:

– Сыграем в кости, варвар?

Конан отрицательно качнул головой. Главарь повернулся к своим и по-лошадиному заржал, немедленно поддержанный дружками:

– Это ж надо, дикарь отказывается играть в кости! Воспитанный, мать его!

– Он, наверное, не знает, что это такое! А кости варвары только обглаживать умеют!

– Да он наверняка все деньги пропил, если они у него вообще когда-нибудь были!..

Двадцать лет назад такие подначки заставили бы Конана подняться с места и устроить небольшой погром с ломанием костей и столов, но сейчас киммериец остался спокоен. Если хотят драки – пусть ударят первыми. Начинаящий обычно проигрывает. Разумеется, к себе Конан это мудрое правило не относил.

Громилы еще хихикали, а бритый главарь перегнулся через стол и, дохнув на варвара смрадом гнилых зубов, прошипел:

– Знаешь, киммериец, тебе и твоим приятелям лучше добровольно прямо сейчас оторваться от скамей и смиренно топтать за нами.

– А тебе лучше научиться дышать через задницу, – доброжелательно посоветовал Конан, незаметно перемещая рукоять Рангильдора поближе к левому плечу, чтобы в случае чего мгновенно выхватить его. – Тогда вони будет гораздо меньше.

– Ах ты тварь! – заорал главарь и занес кулак для удара. Конан приготовился поймать кисть и продемонстрировать ее владельцу прием, именуемый «демоновой мельницей», однако бритоголовый ударил не киммерийца, а сидевшего рядом с ним Тотланта.

Стигиец, с интересом наблюдавший за развитием событий, не ожидал такой подлости и не успел даже руку поднять для защиты. Удар швырнул его со скамьи на присыпанный грязной соломой пол, причем волшебник, судя по всему, потерял сознание.

Дальше началась привычная кутерьма. Конан, у которого в руках оказался словно сам по себе вылетевший из ножен меч, вскочил из-за стола, перевернув скамью. Эмерт также молниеносно вскочил и спустя мгновение уже стоял с натянутым луком. Эртель отбил бутылкой направленный ему в голову удар и присоединился к компаньонам. Веллану не повезло. Он настолько о чем-то задумался, что не обратил внимания на раздающиеся вокруг вопли, и, получив дубинкой по затылку, уткнулся лицом в стол.

«Скверно, – подумал Конан, мягким кошачьим шагом надвигаясь на паскудно ухмыляющуюся шайку. – Два удара – и двое наших выведены из игры. Очень скверно.»

Эртель стряхнул на пол осколки разлетевшейся вдребезги бутылки, вытащил меч, и, зло прищурившись, осведомился:

– Так кто хочет первым отведать стали?

Вместо ответа один из нападающих выдернул из-за пояса метательный нож... Одновременно у левого уха Эртеля прогудела стрела и незадачливый метатель с воплем рухнул на колени.

Это послужило сигналом нападения для пятерых оставшихся. Они были вооружены мечами средней длины и в открытом бою против вставших спина к спине Конана и Эртеля с их длинными клинками не имели бы ни малейшего шанса на победу. Но в тесноте трактирного зала не очень-то размахнешься...

Конан с легкостью отражал бездарные, убогие и напрочь лишенные фантазии выпады. Отражать-то он отражал, и с успехом, и стоявший позади Эртель тоже отражал, а вот перейти в атаку самим было трудновато. Противники успевали отпрыгнуть на безопасное расстояние, прежде чем тяжелый меч мог их настичь. Эмерт не мог помочь им своими стрелами – ему пришлось тоже взяться за меч и отбиваться от рябого косоглазого типа.

Под яростный звон мечей разговоры в трактире как-то сами собой стихли, по залу пробежал легкий шепоток. Друзья бритоголового, игравшие в кости, не торопились ему на помощь, какие бы отчаянные взгляды он на них не кидал. Ему действительно приходилось тяжело – Конан и Эртель объединенными усилиями теснили троих нападающих в угол, а из угла уже не убежишь... Сзади раздался стон и стук упавшего тела. Конан отбил простейший удар сверху и чуть не выпустил врагу кишки (еще немного – и пришлось бы их подбирать по всему трактиру, а так нападавший отделался только царапиной на животе) и обернулся. Хвала богам, на полу лежал не Эмерт.

Посетители трактира, отойдя от первоначального изумления, начали азартно делать ставки, причем большая часть зевак ставила на варвара. Внезапно все шепотки перекрыл громкий голос:

– Я ставлю на королевскую стражу.

* * *

Это сказал молодой, лет двадцати пяти, офицер, приподнимавшийся из-за стола.

– И моя ставка сорвала банк, – невозмутимо продолжил он, делая знак своим солдатам. Два десятка гвардейцев неспешно поднялись с лавок, оставив недопитое пиво и выстроившись полукругом за спиной командира.

Все посетители сразу потеряли интерес к драке, ибо ее исход теперь предугадать было несложно. И тех, и других ждет каталажка, а вот того боссонца с луком, скорее всего, повешение – два убийства, как-никак...

Конан тоскливо подумал, что мало ему было на веку неприятностей со стражей всевозможных городов, так теперь еще и здесь!

По лицу бритоголового было ясно, что он увидел свой шанс на спасение и упускать его не собирается.

– Счастливого знакомства с камерами «Рая», варвар, а я, пожалуй, пойду... – с этими словами он рванулся за стойку и исчез за дверью, ведущей в кухню. Его дружки, не обращая внимания на окрики офицера, помчались следом.

«Ну уж нет! Так просто вы от меня не уйдете!» – возмутился Конан, бросаясь наперерез последнему из шайки. Тот ловко увернулся и удрал бы, если не замешкался у стойки... что стоило ему жизни. Варвар прыгнул и одним ударом расколол убежавшему череп.

Тело, обливаясь кровью, еще оседало, а Конан уже развернулся к Эртелю:

– Как Велл и Тотлант?

– Я-то в порядке, только голова трещит и все плавает, – ответил бритуниец, слегка пошатываясь.

– А у меня, похоже, сотрясение мозга, – с грустью доложил стигиец, после чего еще более печально добавил: – И нос сломали, сволочи... Но идти я смогу.

– Тогда все сюда, – скомандовал Конан. – Из кухни наверняка есть черный ход в какой-нибудь переулочек...

Тем временем офицер почему-то медлил, хотя вполне мог захватить Эмерта и мага с бритунийцем. Этих мгновений им вполне хватило, чтобы пройти за спиной Конана и нырнуть в дверной проем. Видимо, офицер здраво рассудил, что в возможной драке он потеряет большую часть своих людей, а потому сделал попытку договориться:

– Эй, киммериец! Тебе лучше бросить меч по-хорошему, тогда тебе грозят лишь рудники...

«Рудники, значит. Премного благодарен, – подумал Конан. – Может, мне еще самому на меч броситься?»

Вслух же варвар сказал:

– Командир, а что будет, если я меч не брошу, а вам придется его у меня отнимать? Сколько, как полагаешь, я успею отправить к Нергалу, прежде чем свалюсь сам, а?

– Надеюсь, ты не думаешь, что мы сами наденемся на твой клинок? – едко поинтересовался офицер. – Учти, сдашься сам – рудники, схватим мы – повешение или четвертование, это уж как судья решит. Кстати, боссонца точно вздернут. Два трупа зараз – многовато для Пайрогии. Подумай, варвар, подумай...

«Дерьмовый городишко, – решил Конан. – Два трупа им, видите ли, многовато! Совсем охренели и отвыкли от нормальной жизни! Ну ладно, мы эту Пайрогию заставим встряхнуться!»

– Ладно, – согласился варвар. – Берите меня, я весь ваш! Какая, в сущности, разница – умереть завтра, повиснув в петле, или загнуться через полгода в каменоломнях? – с этими словами он спиной вперед зашел за стойку и начал пятиться к двери, выставив перед собой окровавленный клинок. К его удивлению, стражники не тронулись с мест, оставшись стоять полукругом. А офицер торжествующе хмыкнул:

– Бестолочь, ты уже проиграл.

...Эмерт почти тащил на себе Веллана и Тотланта. Если бритуниец просто иногда пошатывался и хватался за стену, то маг временами терял сознание. Боссонец вполголоса ругался, скрипел зубами, но довольно быстро волок приятелей за собой. Они миновали кухню, пропитанную запахом подгорелого жира и мяса. Повара и служанки испуганно шарахались при виде взлохмаченного темноволосого человека с горящими глазами и скривившимся ртом, за которого цеплялись еще двое.

– Где черный ход? – заорал Эмерт, хватая одного из подвернувшихся поварят за грудки. Как при этом брошенные на произвол судьбы Веллан и Тотлант устояли на ногах – одному Митре известно.

– Г-г-господин, в-в-вы...

– Да перестань заикаться, ублюдок! – Эмерт зло встряхнул кухаря. – Говори!

– Вон-н т-там, направо будет к-коридор, – парень аж побелел от страха и, казалось, готов был намочить штаны. Эмерт отшвырнул беднягу, брезгливо отряхнул руки и потащил друзей в указанном направлении. Быстрее, быстрее!

Боссонец пинком распахнул дверь и тотчас получил в лицо древком копья. Из сломанного носа мгновенно хлынула кровь, Эмерт отлетел назад и вместе с магом и Велланом растянулся на полу. В следующее мгновение их уже связывали. Эмерт застонал от собственного бессилия и закусил губу, чтобы не разрыдаться, как мальчишка. Он попался в самую простейшую ловушку, он подвел друзей и оставшегося прикрывать их отход Конана...

...Эртель бежал через кухню, слыша позади голос препиравшегося со стражниками киммерийца. От запаха съестного заурчало в желудке. «Ты что, старик, я же тебя только что набил до отказа», – укоризненно подумал вечный насмешник, хотя сейчас ему было не до шуток. Свернув в коридор, Эртель помчался к заманчивому прямоугольнику света. «Похоже, Эмерт отлично справился и без меня», – усмехнулся он и вылетел в переулочек, освещенный тусклым светом масляных фонарей. Нога за что-то запнулась и неожиданно отказалась слушаться. Эртель даже не успел удивиться или крикнуть, земля стремительно понеслась навстречу и наступила тьма...

...Конан слегка удивился ухмылке стражника, но разбираться, в чем дело, совершенно не было времени. Варвар стремительно пронесся по кухне (некоторые повара потом с апломбом утверждали, что видели демона с черными крыльями и огненным мечом в лапах) и завернул в коридор. Тусклый свет в конце убедил его, что друзья уже благополучно выбрались наружу. Однако врожденное чувство подсказывало, что с этой гостеприимно распахнутой дверью что-то не так. Варвар не стал нестись, аки бешеный бык, а, по возможности ступая неслышно, подкрался к распахнутым створкам.

Ага, на земле лежит копье. Бегущий человек скорее всего рухнул бы с переломанными ногами (Конан потом искренне удивлялся, как несшийся во весь опор Эртель отделался только синяками на голених). Копье явно кто-то должен держать. Конан оскалился и поудобнее перехватил меч.

Стражникам, сидевшим на корточках с пресловутым копьем, не повезло. Очень не повезло.

Первый даже не успел удивиться, когда его голова отделилась от тела посредством Конановского клинка. Второй сумел вскрикнуть и даже дернуть копье, но с тем же успехом можно было сдвигать руками гранитную глыбу. Его горло мгновенно оказалось разрублено до позвонков и он, обливаясь кровью, мешком упал назад.

– Стоять! – пронесся над переулком дикий крик. Конан стремительно развернулся. Теперь он действительно смахивал на демона, причем на очень злого демона.

Увиденное сразу охладило его боевой пыл. Теперь до него дошел смысл слов офицера.

Левее двери трактира и ближе к выходу из переулка стояли еще пятеро стражников. Но не это сдержало варвара. Состояние, в котором он сейчас находился, позволило бы ему броситься и на двадцать пять противников, и неизвестно, кто бы еще кого одолел...

Но четверо из пяти держали клинки у горла его друзей.

– Брось меч, варвар, – с ненавистью произнес пятый, с нашивками десятника. – Иначе твои дружки умрут.

Несколько очень долгих мгновений Конан боролся с захватывающими его волнами ярости и кровожадности. Видя его нерешительность, стражник добавил:

– Ты, конечно, нас рядом с ними положишь. Да только разве это их оживит?

Конан пробормотал нечто маловразумительное, но явно ругательное, сплюнул и с презрением бросил меч на мостовую. Клинок жалобно звякнул о булыжник.

– Давно бы так, варвар, – ухмыльнулся стражник и скомандовал: – Давай!

Киммериец почувствовал подвох, но сделать ничего не успел. На голову обрушилось что-то очень тяжелое, перед глазами мириадами звезд вспыхнуло небо, все мышцы обмякли, однако сознания варвар не потерял. Он еще успел понять, что лежит на очень твердой и холодной земле, и услышал слова:

– Ты ж ему последние мозги вышиб! Послабее нельзя было?

– Послабее?! – отозвался возмущенный голос. – Ты киммерийцев не знаешь! Я таким ударом быкам черепа дробил, а этот... Гляди, даже шевелится!

И наступила тишина.

* * *

Конан очнулся в тюремной камере. То есть поначалу он понятия не имел, что это камера. Сначала появилась боль. Жуткая головная боль. Затылок раскалывался на тысячи острых осколков при каждом движении. Конан очень желал, чтоб он, наконец, окончательно раскололся и больше не тревожил.

Варвар довольно долго лежал с закрытыми глазами и прислушивался к своим ощущениям.

Внизу было что-то мягкое, шуршащее, похожее на сено или солому. Откуда-то сверху иногда доносился частый топот кованых сапог, неразборчивые отрывистые команды, хриплые вопли... Постепенно боль в затылке начала медленно утихать, пока не превратилась в тупую, ноющую, но вполне терпимую. Тогда Конан рискнул открыть глаза.

Над ним нависал каменный потолок. Сзади на лицо киммерийца падал солнечный свет. Варвар осторожно сел, затем поднялся на ноги и огляделся.

Помещение было крохотным: шагов шесть в длину и три в ширину. Дверь была глухая, деревянная, что несколько удивило Конана. Приглядевшись, он понял, что «деревяшка» едва ли не надежней обычных железных решеток. Выбить ее ногами и руками было невозможно, разве что с помощью хорошего стенобитного тарана. К сожалению, сей полезной вещи в хозяйстве Конана сейчас не было.

Маленькое зарешеченное окошко находилось на высоте в полтора человеческих роста, но кладка стен была грубая и киммерийцу не составило большого труда добраться до него. С первого взгляда стало ясно, что выломать вмурованную в камень решетку никому не под силу.

Разочарованный Конан спрыгнул на пол и скривился от боли в затылке. Подумать только, в окно даже ничего толком не видно. Унылая серая площадь, похоже, внутренний двор. Отвратно...

Конан на всякий случай простучал стены, но они оказались сделаны на совесть. Делать было нечего, убежать – пока – невозможно. Варвар задумчиво опустился на ворох соломы, забросил руки за голову и прикрыл глаза.

И тут ему в голову пришла одна очень простая мысль.

– Болваны, законченные олухи! – заорал он и впечатал кулак в стену. – А, нергалово дерьмо, больно! Нет, ну какие же мы придурки! – он потер лоб. – Надо было не шляться по городу, а сразу отправляться к королю! Эртель ведь посол... Ё-моё...

Мысль была весьма здравая, но, как свойственно всем здоровым мыслям, явилась после драки. «Человек крепок задним умом», – давным-давно не раз говаривал шемит Аль Браско...

Аль Браско? Так вот почему надпись на гербах наемников показалась ему смутно знакомой!

«Ничего, вот выйду отсюда, – в этом Конан ни на миг не сомневался, – и обязательно наведаюсь к старому лису в гости! Он думал скрыться в Бритунии от праведного гнева киммерийца Конана? Ха! Как же! Придется достопочтенному Аль Браско вернуть все стигийское золото! И я ему еще по шее навешаю!..»

С этой согревающей душу мыслью Конан спокойно заснул.

* * *

Киммериец храпел богатырским храпом, а тем временем к двери подошли. Тщательно замаскированное окошко открылось (оно было хорошо пригнано и в неярком свете варвар просто не заметил щелей), потом закрылось. Видимо, стражника с другой стороны дверного проема удовлетворило зрелище спящего заключенного. Заскрипел засов, дверь легко повернулась внутрь. В камеру вошли пятеро: палач с кандалами и котелком углей (видимо, Конана решено было заковать и куда-то перевести; может, сразу на рудники), дежурный охранник со связкой ключей, офицер с нашивками капитана и двое лучников со стрелами на тетивах.

– Разбудить, – приказал капитан, пройдясь по камере.

– Может, сначала заковать? – с почтением спросил стражник.

– Я что, сказал – «заковать»? – раздраженно переспросил офицер. – Ты что, глухой? Отвечай, когда тебя спрашивают!

– Нет, господин капитан, – вытянувшись в струнку, отвечал напуганный блюститель. – Заковывать не приказывали!

– Тогда в чем дело?

– Ни в чем, господин капитан. Иду...

Дежурному стражнику очень не хотелось подходить к лежавшему на полу черноволосому великану. Знатоки, воевавшие на полуночи, нарасказывали ему кучу жутких историй о варварах из Нордхейма и Киммерии. Кроме того, он видел трупы Веннела и Теккена...

– Эй, вставай! – довольно нерешительно приказал дежурный, для верности легонько пнув спящего по ребрам. На Конана, обычно очень чуткого во сне, это не произвело никакого впечатления.

– Пни посильнее, – распорядился капитан, скучающе поглядывая на стену.

Стражник помялся, а потом, махнув рукой, с размаху впечатал сапог в бок киммерийца.

Того, что произошло, не мог предвидеть никто. Жуткий рев варвара заставил содрогнуться стены камеры. Все застыли с открытыми ртами. Огромная лапа сцапала лодыжку дежурного. Парень успел жалобно пискнуть, а потом киммериец, вскочив на ноги, швырнул его в капитана.

Стражник сбил офицера и они вместе упали на не успевших отскочить лучников, образовав мешанину из дергающихся конечностей. Стоявший в стороне палач опомнился и попытался ударить Конана цепями, которые он все еще держал в руках.

Результат сего необдуманного действия не заставил себя ждать. Взбесившийся Конан, не замечая текущей из рассеченного лба крови, схватил палача за грудь и за ногу, и, раскрутив над головой, отправил в полет. Палач ударился о дверь и с характерным хрустом съехал на пол.

Злость у Конана сразу прошла и он, быстро оглядевшись, увидел валяющуюся на полу связку ключей. Это шанс. Подхватив ключи, варвар выскочил в коридор, заметив попутно, что палач сломал себе шею, врезавшись в створку. Впрочем, туда ему и дорога.

Притворить дверь и запереть на засов – быстрое дело. Конану неудержимо хотелось запеть что-нибудь боевое. Смыться, когда побег был просто невозможен! Осталось разыскать друзей, выбраться из тюрьмы и идти просить аудиенции у короля.

Конан полюбовался на запертую дверь камеры и повернулся, чтобы осмотреть сначала коридор справа.

Хриплый боевой клич оглушил варвара, а в следующий миг огромный кулак снизу впечатался в подбородок киммерийца. Конан взмыл вверх и, описав довольно изящную дугу, с громким хрустом обрушился спиной на каменный пол. Обычный человек умер бы сразу, сломав себе сначала шею, а потом позвоночник. Киммериец же задохнулся, перед глазами поплыла какая-то цветная муть, а тело не подчинялось. Затем неяркий свет факелов заслонила чья-то тень. Конану показалось, что это демон – огромный, со сверкающей головой и черный как ночь. Он с глухим урчанием наклонился к варвару и схватил левой лапой за ворот его куртки. Толстая выделанная кожа угрожающе затрещала. Жуткая рожа приблизилась к лицу кимме-

рийца, растянула толстые губы в злорадной ухмылке. В нос Конану ударила невероятная вонь гниющих зубов. Как ни странно, ужасный запах помог варвару справиться с легкими и наконец-то вздохнуть. Однако тело ему по-прежнему не подчинялось.

Огромный как бочка кулак взлетел над головой Конана. Киммериец взмолился Кромю, но зря. Кулак, словно молот, обрушился на его голову.

И наступила тьма. Без звезд и звуков.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ, в которой Конан видит сны и знакомится с людоедом

...Он сидел на высоком троне в огромном зале с черными колоннами, заполненном множеством людей. Варвар осторожно пошевелил головой и огляделся по сторонам. Камень стен покрывали тканые золотом гобелены с изображением вставших на дыбы коронованных львов. Виски сжимал тяжелый обруч.

«Я что, король?» – отстраненно подумал Конан.

Мягкая полутьма скрывала размеры зала и лица собравшихся в нем людей. До киммерийца, судорожно впившегося в каменные подлокотники кресла, доносился слитный шум многих голосов. Присутствующие что-то оживленно обсуждали, но, как Конан не старался, он не разобрал ни единого внятного слова. Справа и слева от трона горели, испуская приятное тепло, бронзовые жаровни на высоких подставках. Какой-то частью сознания Конан понимал, что все это – видение, а на самом же деле (и он точно знал это!) его тело валялось сейчас на каменном полу пайрогийской тюрьмы.

«Может, я умер? Тот чернокожий вполне мог расплющить мою голову, как гнилую тыкву, не особенно утруждаясь... Нет, – одернул себя Конан, хмурия брови. – Если бы я умер, то попал бы к моему отцу, к Крому, богу могильных курганов, и пировал бы в его чертогах... Значит, это сон. Однако какой-то слишком реальный сон...»

Конан повернулся вправо, протянул руки к жаровне. Мягкое тепло прошло сквозь пальцы, заставляя кровь быстрее струиться по жилам.

Громкий приказ: «Смотри!» заставил киммерийца резко повернуться. Из полутьмы к трону шла... Белит! Королева пиратов, грациозно покачивая крепкими бедрами, миновала трон и, улыбнувшись напоследок ошеломленному Конану, растворилась во тьме...

Не успел Конан опомниться, как следом за шемиткой перед ним возникла Валерия, а за ней – все женщины, которых он когда-либо любил. Амазонка Сфендра – все тот же, казалось бы, безразличный взгляд... Семирамис – шадизарская шлюха. На нее в молодые годы уходили все наворованные деньги. Элаши – девушка из племени кезанкийских горцев... Карела... Карела? Карела!!! Значит, и Рыжего Ястреба настигла смерть. Кто-то говорил ему об этом, но тогда он не поверил. Конан почему-то был твердо уверен, что все проходившие мимо него женщины были мертвы. Карела тряхнула густой копной темно-рыжих волос, ухмыльнулась расстроенному киммерийцу и прошептала так, чтобы он услышал:

– Мы еще встретимся. Тогда ты мне за все ответишь, бабник...

Пообещав это, она скрылась вслед за остальными. Конан проводил ее печальным взглядом, а когда повернул голову, увидел Селену. Девушка из рода оборотней направилась прямо к трону.

– Привет, Конан, – невозмутимо сказала она, присаживаясь на подлокотник.

– Привет, Селена. Как дела? – ничего лучше варвар придумать не смог.

– Неплохо, – девушка скривила губы. – Я не попала в преисподнюю, что, конечно, хорошо, но и здесь, в жилище бесплотных теней, делать тоже особо нечего...

– Не стоило жертвовать своей жизнью ради меня... – неуверенно начал Конан.

– Помолчи, а? – попросила Селена и добавила: – Ты бы сделал для меня то же самое.

Конан с некоторым стыдом подумал, что вряд ли сунулся бы под смертельный луч ради женщины. Он же не странствующий благодетель, в самом деле!

Решив уйти от скользкой темы, он спросил:

– Я что, умер? Кто эти люди? И что это за зал? И, в конце концов, что у меня на голове?

Селена рассмеялась – чисто и легко.

– Скажу тебе по секрету – умрешь ты еще не скоро, если, конечно, не совершишь какую-нибудь глупость. А так Кром тебя хранит, чего за ним никогда раньше не замечалось... Это, – она обвела полутемное помещение рукой, – тронный зал королевского дворца в Тарантии, а на голове у тебя – корона Аквилонии. Довольно красивая, надо сказать. Скоро ты станешь королем, дорогой, так что привыкай.

Конан недоверчиво усмехнулся:

– Мне уже столько раз предсказывали... Я даже желание однажды гномскому волшебному горшку загадал, только забыл сказать – когда именно хочу оказаться на троне. В общем, не верится как-то.

Селена скорчила гримаску:

– Вот ведь дикарь неверующий... Ну ладно, время пройдет, сам увидишь, что я была права, – она встала, чтобы уйти. – Прощай, киммериец. На этот раз – навсегда.

– Подожди, – Конан удержал ее. – Ты не ответила – кто эти люди?

– Они? – Селена махнула куда-то в направлении окутанного тьмой зала. – Это души жестоко убиенных тобой, мой дорогой, людей. И твои павшие друзья. Не спеши огорчаться – кое-кто из них еще не скоро угодит к Нергалу. И еще одно... – она замаялась, но все же твердо сказала: – Конан, заверши начатое до конца. Это моя последняя просьба и ты должен ее выполнить.

Она спустилась по ступенькам и, не оглядываясь, ушла в темноту.

Конан сидел и тер рукой вспотевший лоб, натываясь на жесткий ободок короны. Разум тонул в океане воспоминаний, захлебывался мутной черной водой...

Голоса в зале стихли, а затем вспыхнули укрепленные на стенах факелы, заливая огромное помещение колеблющимся призрачным светом.

Конан изо всех сил пытался сдерживаться, но даже его силы воли не хватило и громкий крик ужаса рванулся из судорожно сжатых легких, прокатившись под сводами зала, заставив колыхнуться неподвижное пламя светильников и многократно отразившись от стен и потолка. По рядам мертвецов прошелестело отвратительное тихое хихиканье.

Нормальный человек от такого зрелища наверняка спятил бы. Перед Конаном выстроились все те, кого он убил, начиная с времен штурма Венариума. Жуть крылась еще и в том, что мертвецов покрывали раны, которые им нанес киммериец.

В первых рядах, в некотором отдалении от остальных, стояли его друзья. Вон Ордо Одноглазый, вон кушит Юма... Тут и Регарат, и Хальмун, и Вальсо, и братья-гандеры. Но как здесь оказался Эрхард, он-то вроде вполне живой? И... Да, это не кто иной, как Мораддин. Только что за черная тень с ярко-желтыми огоньками глаз держится рядом с ним?

– Ты обещал пригласить меня на коронацию, – вкрадчиво проговорил полузабытый звонкий девичий голосок. – Так не забудь о своем обещании. Впрочем, мы все равно скоро увидимся. Даже раньше, чем ты думаешь. Правда, Дин?

Мораддин молча кивнул. Живой ли, мертвый – он всегда не был склонен к долгим разговорам.

За немногочисленным отрядом друзей Конана стояли те, кто достойно бился с киммерийцем, настоящие воины – Ольгерд Владислав, Бомбата, Деррек-оборотень и многие другие, чьих имен варвар как-то сразу и не припомнил. За шеренгой воителей выстроились колдуны, злобно сверкающие выпученными глазами. Кром, за что такое наказание – снова видеть эти гнусные рожи... Совартус, Аманар, колдун-мутари, чье прозвище затерялось в памяти, как и имена остальных. За колдунами толпилась сошка помельче: стражники, бандиты, воры, солдаты, кметы и разные людишки, которым в разные времена не повезло и они очутились на пути Конана. Толпа, как навскидку определил варвар, насчитывала никак не менее трех тысяч. Кром, с содроганием подумал Конан, не дай мне еще раз испытать такое!

От увиденного у киммерийца не то чтобы начались муки совести. Просто было неприятно, когда на тебя таращатся изрубленные тобой же мертвецы, да еще в таком количестве. Конан решил впредь чуть-чуть думать, прежде чем начинать размахивать мечом направо и налево. Кажется, ему уже не раз советовали что-то подобное, но он редко прислушивался к советам.

– Пропустите, пропустите! – раздался знакомый голос и откуда-то сзади к трону протолкался белобрысый бритуниец-оборотень, которого Конан знал под именем Веллан. Его что, до смерти запытали? Жаль, если так...

– Здорово, варвар, – Веллан наконец-то выбрался на площадку перед тронном и с искренним изумлением оглядел представшее перед ним зрелище. – Хорошо смотришься... Ну как, удобно?

– Не очень, – ухмыльнулся киммериец. – Ты откуда взялся?

– Да меня тут как бы и нет, – Веллан уселся на верхнюю ступеньку трона. – Я всего лишь призрак, порождение твоего воспаленного мозга... На самом деле я, как, впрочем, и ты, висю... вишу... Ну, короче, подвешен на цепях в камере пыток пайрогийской тюрьмы. Меня послали сказать тебе два слова, нет, даже три: «В королевской свите». Что это значит, догадывайся сам. В твоей миссии тебе помогут молодой и рыжий. Действуй, во имя Крома! Кстати, пора бы тебе очухаться.

Веллан хмыкнул и шелкнул пальцами. В тот же миг все факелы погасли, словно задутые порывом ветра. Трон исчез из-под Конана, он завертелся, закружился, падая куда-то... Из тьмы возникло лицо Карелы.

– Просыпайся! Эй, да очнись же! – повелительно крикнула она и опрокинула на Конана ведро ледяной воды. Киммериец зафыркал, мотнул головой и... проснулся. В первые мгновения он еще не понимал, где находится.

– Карела... Ты же умерла... – вырвалось из его пересохшего горла.

– И у тебя, варвар, есть все шансы последовать за этой особой, кто бы она ни была, – словно меч, вонзился в сознание насмешливый молодой голос.

Вот тут на Конана и нахлынули все ощущения реального мира. Все тело, как оказалось, затекло и болело. Позвоночник и шея ныли тупой болью. Стоило слегка пошевелить головой, как накатывала тошнота. В горле было сухо, как в пустынях Шема...

Киммериец с трудом разлепил глаза, мечтая о глотке хорошо охлажденного вина, и поднял голову, стараясь удерживать ее прямо.

Увиденное наводило на нехорошие размышления. Оказывается, пока он видел непонятные сны и болтал с тенями, его за руки и за ноги приковали к каменной стене средних размеров комнаты. Напротив горел большой очаг, в его пламени нагревались различного и довольно непривлекательного вида крючья и щипцы. Все остальное пространство камеры занимали предметы, чье предназначение угадывалось с первого взгляда. Левее пасти камина торчала задвинутая в угол деревянная и изрядно потертая дыба. Рядом с ней стоял низкий стол с двумя воротами, как в колодцах – «растяжка». Конан как-то испробовал действие сего орудия на себе и решил, что ничего хорошего оно не представляет. Ему еще повезло, а многие после пребывания на таком столике не могли ходить и шевелить руками...

Справа от камина обнаружилось большое деревянное колесо с блестящими рукоятками и «железная дева» – саркофаг, утыканный изнутри длинными и чрезвычайно острыми шипами. Обстановку дополняли развешанные по стенам плети, ножи с причудливо изогнутыми лезвиями, железные перчатки, ошейники и маски, которые сперва раскаляли в пламени, а затем водружали на надлежащую часть тела допрашиваемого, сжимающаяся корзина из стальных прутьев и другие принадлежности древнего палаческого ремесла.

Помимо этих непривлекательных вещиц, в комнате находилось шесть человек. Злополучный офицер в измятой куртке с полуоторванным воротом и распухшим носом – видимо,

ему досталось в общей свалке, два тех же лучника, выглядевших изрядно помятыми и пришибленными, а также огромный чернокожий – по-видимому, палач – и двое его подручных.

«Евнухи, – ухмыльнулся про себя Конан, покосившись на заплывшие жиром и ничего не выражающие лица помощников. – А вот черный – вряд ли... Ну и жуткая же у него рожа... А кулаки! Если выберемся – надо будет уговорить Эмерта подстеречь этого ублюдка и пристрелить. Он нас пятерых уложит рядком и сверху сядет...»

Не то, чтобы Конан испугался, но было в высшей степени глупо недооценивать противника. Этому полезному правилу он выучился на собственной шкуре и теперь никогда не забывал его.

– Как самочувствие, варвар? – заботливо поинтересовался офицер стражи. – Ничего не болит?

Огромный чернокожий расхохотался громовым басом и Конан увидел его подпиленные острые зубы. Дарфарец... Только этого еще не хватало!

Жители далекой полуденной страны Дарфар были известны своей любовью к человеческому мясу, а потому пользовались заслуженной ненавистью всех окрестных племен. В Шеме и Стигии ими пугали детей. Жестокость дарфарцев не знала границ, а потому их охотно брали в палачи. Любой подозреваемый, угодивший в лапы дарфарца, спешил признаться во всех совершенных и несовершенных преступлениях, дабы поскорее умереть.

«Влип,» – с грустью подумал Конан и прикинул, в чем бы сознаться для начала. Сознаться вроде было не в чем, а потому он решил завести беседу.

– Эй, чернозадый! Меня зовут Конан из Киммерии и я... фелим енди мерига, – с вызовом сообщил Конан и закашлялся. Последние слова были единственным известным ему дарфарским ругательством и в приблизительном переводе означали «имел твою мать».

Дарфарец насупился и быстро пролаял в ответ не менее доброе пожелание. Конан его понял и разозлился – чернокожий нахально заявлял, что на небе Кром прислуживает Йогу, а на земле он, Мбванга, вырвет сердце щенку Крома и съест перед холодеющим взглядом этого самого «щенка».

– Посмотрим еще, кто чьим сердцем будет закусывать, – мрачно пробормотал Конан, пробуя кандалы на прочность, и погромче потребовал: – Эй, олухи, дайте плоток воды! Вот загнись сейчас, вам же и отвечать.

– И не надейся, варвар, – потирая руки, ехидно сказал офицер. – Да ты тут сгниешь и о тебе ни одна живая душа не вспомнит. Ты же убил четырех человек!

Конан вспомнил толпу мертвецов из сна и, несмотря на боль в горле, расхохотался.

– Чего ржешь? – недоуменно спросил офицер, осторожно притрагиваясь к распухшему носу.

За варвара ответил дарфарец:

– Капитан, ты наивен как ребенок. Человек перед тобой – воин, причем воин не из последних. В этой комнате с ним могу справиться только я, а вас он голыми руками разорвет и даже не заметит. За свою жизнь он наверняка уложил в холодную землю не меньше тридцати-сорока сотен, а ты ему толкуешь про каких-то четырех... – дарфарец выразительно постукал толстым пальцем себе по лбу. – Мозги-то у тебя есть, начальник?

– Слушай, черная обезьяна, ты забываешься! – капитан рассердился не на шутку. – Стоит мне хоть слово шепнуть кое-кому – и ты быстренько окажешься на месте варвара, а я уж позабочусь, чтобы умирал ты долго...

– Лучше ты меня послушай, белый, – с угрозой начал дарфарец, нависая над капитаном, как скала. – Я могу сломать твою цыплячью шейку одним ударом, не помогут и лучники. А потом свалю все на варвара и твою беспечность. Не зли меня, слизняк.

– Так его, крысу тюремную! – хрипло поддержал чернокожего Конан. – Пусти ему кровь, съешь его сердце!

– Лучше я съем твое, тогда у меня прибавится силы и умения, а от его куриного сердечка я еще, чего доброго, стану трусом, – ответил ему дарфарец, возвращаясь на свое место.

– Ты еще поплачишься, – тихо прошипел офицер, слегка подрагивающей рукой утирая пот. – Начинайте, – приказал он уже прежним властным тоном.

Евнухи сразу засутились. Один бросился к очагу – проверить инструменты, другой пару раз крутанул заскрипевшее колесо и снял со стены длинный семихвостный кнут из кожи гиппопотама, с защитными по всей длине железными шариками, и опустил его в бочку.

«А там наверняка соленая вода,» – Конан внутренне пожегся, сохраняя полное безразличие ко всему, происходившему вокруг.

– Эй, капитан! – прогудел дарфарец. – Слушай, а тебе не кажется, что варвара для начала стоит просто спросить о чем-нибудь? Чего мы его будем зря лупить, может, он и так все расскажет...

Капитан с ненавистью посмотрел на палача, потом скривился и процедил:

– Так он тебе все и выложит. Но я попробую.

Дарфарец радостно оскалился и сложил руки на груди. Офицер подошел поближе к Конану и резко спросил:

– Признаешься?

– В чем именно? – уточнил киммериец.

– В убийстве двух стражников, служителя тюрьмы и мирного обывателя Пайрогии, – ледяным тоном перечислил капитан.

– Конечно! – с готовностью согласился Конан. – Бандиту, которого ты именуешь «мирным жителем», я расколочил череп, одному стражнику снес голову, второму разрубил горло, а что до этого служителя тюрьмы – так я его просто толкнул, а он врезался в стену и умудрился сломать себе шею...

– А зачем ты это сделал? – задал следующий вопрос капитан и, повернувшись, бросил через плечо: – Писарь, записывай все, что он скажет!

Конан напряг глаза, которые после удара Мбванги стали несколько хуже видеть, и разглядел у самой двери, рядом с «растяжкой», маленький столик, за которым с пером в руке сидел похожий на крысу тщедушный человечек, со страхом созерцавший то Мбвангу, то Конана. Видимо, не мог решить, кого стоит больше бояться – преступника-варвара или палач из племени людоедов.

– Ты будешь говорить или мы начнем? – нетерпеливо осведомился офицер.

– Я думаю, как правильнее ответить, – огрызнулся Конан. – Значит, так. Бандит сам полез в драку и получил, что заслуживал. Стражникам не стоило устраивать засаду. А палач ударил меня цепями по лицу. Кроме того, у него шея была слабая – я ж кинул его не сильно...

Признания Конана перебил громкий смех дарфарца.

– Шея слабая, – веселился Мбванга. – Шуточки у тебя, варвар...

– От варвара слышу, – с достоинством парировал Конан.

Офицер злобно покосился на чернокожего и продолжил:

– За убийство четырех человек ты предстанешь перед королевским судом. Думаю, тебя или четвертуют, или сожгут живьем. Но это мелочи. Есть более серьезный вопрос – что тебе вообще понадобилось в Пайрогии?

Конан хотел как следует шлепнуть себя по лбу, но длина цепей не позволяла.

– Ну я дурак... – протянул он. – Это ты, людоед поганый, мне память отшиб!

– То, что ты дурак – совершенно верно, – согласился капитан. – Но отвечай по существу, пока тебе не надели «зингарские сапоги» или не вздернули на дыбу.

«Зингарские сапоги» – это очень плохо, – подумал Конан. – После них ходить точно не будешь, и даже ползать – с трудом получается...»

– Мы, то есть я, Эртель, Веллан, Тотлант и Эмерт, – начал киммериец, – посольство короля Пограничья Эрхарда. Собственно, посол – Эртель, племянник короля, а мы его свита. Все верительные грамоты у него...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.